

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

В восьми сверкающих сапфирах,
обрамленных белым золотом,
таится особая сила. Она рождает
любовь даже в холодном сердце
и бережет ее до тех пор,
пока даритель хранит верность
своему избраннику...

Алина ЕГОРОВА

**Сапфиры
Айседоры Дункан**

Артефакт & Детектив

Алина Егорова

Сапфиры Айседоры Дункан

«ЭКСМО»

2011

Егорова А.

Сапфиры Айседоры Дункан / А. Егорова — «Эксмо»,
2011 — (Артефакт & Детектив)

В семнадцатом веке английский король Карл Второй, безумно влюбленный в молодую графиню, по совету ворожеи заказал ювелиру перстень из белого золота с восемью сапфирами. Ворожея предупреждала: в камнях заключена тайная сила, она сбережет любовь лишь в том случае, если молодой король сохранит верность... Прошли века... В наше время в своей квартире убита психолог и эзотерик Оксана Прохоренко. Одновременно исчез ее удивительный перстень с сапфирами, долгое время принадлежавший великолепной Айседоре Дункан. Виновных в смерти Оксаны найти почти невозможно – слишком широкий круг знакомых имела девушка. Но неужели нет никаких зацепок? Скорее всего, дело именно в перстне, и начинать расследование нужно с поисков пропавшего артефакта!..

Содержание

* * *	5
Зима 1913 г. Петербург	10
Весна 1913 г. Петербург	19
1920 г. Париж	25
За месяц до убийства	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Алина Егорова Сапфиры Айседоры Дункан

* * *

Стройный силуэт в свете лучей закатного солнца, пробивавшихся сквозь переливающуюся золотом тафту штор. Гордо поднятая голова. Если взглянуть на лицо, увидишь каре-зеленые глаза с играющим в них пламенем свечи. Волосы собраны в узел и высоко заколоты. Выбившиеся рыжеватые пряди небрежно спадают на плечи. В просторной шелковой тунике белого цвета с накинутым на плечи невесомым красным палантином Агнесса выглядела дивой, таинственной и недостижимой. Она напоминала античную статую, на которую можно только смотреть и восхищаться. Образ дополнял красивый перстень с крупными синими камнями. Он всегда при ней во время семинаров и консультаций и не только служит украшением, а является частью имиджа, подчеркивает единственность своей владелицы. Все слушатели знают: перстень принадлежал английской королевской династии, когда-то им обладала сама Айседора Дункан; он стоит целого состояния и перешел Агнесе по наследству. Агнесса никогда не подчеркивала своего родства с английскими монархами, но и не отрицала его. Она одевалась просто, ходила босиком, и это сочетание простоты и роскоши придавало ей особый шарм.

У некоторых посетителей семинаров, особенно у тех, кто приходил впервые, возникал вопрос: а не опасно ли, учитывая уникальность перстня, держать при себе такую реликвию? Наверняка найдутся злодеи, которые захотят забрать его себе. На это Агнесса отвечала, что перстень наделен божественной энергией и сам себя оберегает. Тот факт, что перстень до сих пор при ней – лучшее доказательство его силы, и ее, разумеется, тоже.

– Я соединяюсь с Вселенной и становлюсь частью ее. Посылаю поток желаний в пространство. Они будут услышаны. Я не ограничиваю себя ни в чем, я достойна всего самого лучшего и обязательно получу это. Весь мир у моих ног!

Четыре голоса эхом повторили за ней этот странный монолог. Женщины разных возрастов – от девятнадцати до пятидесяти двух – с закрытыми глазами сидели на полу, устроившись на диванных подушках, и прилежно слушали все, чему учила их наставница.

– Не надо задумываться, каким образом осуществится желаемое, Вселенная сама найдет решение, – добавила Агнесса и позволила открыть глаза. – Хочу поблагодарить вас за внимание. На сегодня наша встреча закончена. В следующий раз я расскажу, как трансформировать пространство и изменять ритм мыслей.

– Кристина, – окликнула она одну из слушательниц, когда все засобирались к выходу. – Ты помнишь, о чем мы договаривались?

– Да, конечно.

– И ты никому не рассказывала? – усомнилась Агнесса.

– Нет.

– Процесс запущен, он необратим, помни. Нельзя нарушать своего слова и вовлекать в дело третьих лиц, иначе навлечешь беду.

В серых глазах Кристины отразился испуг.

– Я все помню. Никто не узнает, – заверила она. – А если узнают, то мне самой несдобровать. Мать со свету сживет, сестра всю душу вымотает.

Наставница проводила взглядом невыразительную фигурку – эта женщина такая аморфная, слабовольная, без твердого внутреннего стержня. Агнесса очень сомневалась, что она сдержит обещание. Она сомневалась во всех и всегда, даже в самой себе, и не верила никому. На малодушную Кристину полагаться стоило едва ли, но выбора не было.

Маски, колокольчики, шары и пирамидки, на стенах – яркие аляповатые картинки, вырезанные из глянцевых журналов. Золотистые занавески с атласными лентами по краям, подвешенные к люстре пластиковые стрекозы и мелодичный звук музыки ветра. В целом в квартире мило и уютно, а капитан Юрасов уют любил. Он уселся в глубокое кресло и блаженно вытянул ноги на пушистом ковре. Вокруг, словно снежинки, блестели осколки хрусталя, но разбитая ваза ничуть не портила интерьер, скорее дополняла его, внося необходимый элемент художественного беспорядка.

Гармонию нарушало разве что лежащее на полу тело хозяйки.

– Смерть наступила примерно десять часов назад в результате удара тупым предметом в область затылка. Предположительно, хрустальной вазой, – монотонно бубнил судебный медик. Юрасов слушал его вполуха – и так все очевидно. Подробности стоит ждать после экспертизы, а пока ничего интересного прозвучать не могло. Все как обычно: соседка обратила внимание на незапертую дверь, вошла внутрь и, обнаружив мертвую хозяйку квартиры, вызвала милицию. Соседка была степенной аккуратной старушкой лет семидесяти с ослабленным сердцем и нестабильным давлением, поэтому после увиденного оказалась в больнице.

На этот выезд Антона Юрасова вызвали в самое неподходящее время, когда он собирался идти домой после ночного дежурства – все другие опера оказались занятыми. Впрочем, так случалось всегда, с той разницей, что звонок дежурного заставлял его на разных этапах сборов: за десять минут до выхода из кабинета, когда он допивал кофе, за две минуты, когда надевал куртку, или же, как в этот раз, когда он, покидая отделение, переступал порог. Антона радовало, что не он один сегодня такой «везунчик»: старлея Кострова вытащили по дороге на рыбалку, отменив его законный отгул. Миша явился на вызов в походном одеянии, с удочкой и сачком. Следователь Илья Сергеевич Тихомиров на внешний вид оперативника отреагировал многозначительным вздохом, мол, с кем работать приходится! Чтобы не давать повод следователю для ворчания на оперативный состав, Юрасов поспешил отослать Михаила на поквартирный обход.

Работа шла неторопливо и скучно: эксперт возился с вещественными доказательствами, ревностно оберегая их от других членов оперативной группы (чтобы не залапали), Тихомиров давал ценные указания, Юрасов выполнял его распоряжения, понятые стояли в сторонке и наблюдали за происходящим.

При первичном сборе информации удалось установить, что убитая Прохоренко Оксана Геннадьевна тридцати двух лет проживала одна в трехкомнатной квартире, в браке не состояла, никакого образования не имела и нигде не работала.

– На какие средства жила – непонятно, – заметил Тихомиров.

– Что тут непонятного? Дамочка симпатичная, в теле. Вот им и зарабатывала, – предположил циничный Юрасов.

– Вряд ли. Ни на содержанку, ни на проститутку не похожа. Этих сразу видно. И соседка говорит, что мужики к ней не шлепались. Вернее, шлепались, но не только они. Оксану навещала разношерстная толпа, по большей части женщины. Кстати, стоит разобраться, что они из себя представляют и зачем сюда являлись.

– Разберемся, – пробурчал Антон, совершенно не горя желанием заниматься гостями погибшей.

Дело Прохоренко выглядело легким и скорым на раскрытие. Казалось, оно выпало бонусом за все предыдущие головоломные и муторные преступления, сожравшие много времени и оставшиеся нераскрытыми.

Удача заключалась в том, что на столике в гостиной Оксаны лежали мужские часы со следами крови. На обратной стороне была выгравирована дарственная надпись: «Максиму Викторовичу Инархову к пятинадцатилетию работы в ОАО «Артемида».

– Преступник оставил свою «визитную карточку», – заметил эксперт, криво улыбаясь. – Только губы раскатывать не рекомендую – туфта все это, нутром чую, – добавил он.

С мотивом пока ничего определенного не прояснялось, но это никого не беспокоило – все считали, что он со временем найдется. Экспертиза выдала обнадеживающий результат: кровь на часах принадлежала убитой.

– Главное – «визитка», есть за что зацепиться, – уверял Юрасов. Антон, как никто другой из отдела, был заинтересован в скорейшем завершении дела: иначе его долгожданный отпуск откладывался на неопределенное время.

– Это само собой. Только все равно нужно установить круг интересов и знакомых погибшей, чтобы разобраться, в чем суть, – настаивал Тихомиров.

– Не люблю безработных, о них всегда сложно наводить справки. Трудилась бы Прохоренко, как все нормальные люди, в каком-нибудь ОАО! И обществу польза, и нам меньше мороки: офисные дамы обычно в курсе всех событий и знают подробности личной жизни каждого, – заворчал Шубин, которого незамедлительно подключили к расследованию. Капитан не обольщался по поводу красноречивых следов, оставленных на месте преступления, и приготовился к худшему, то есть к долгим и безуспешным поискам.

– Может, имеет место банальное ограбление? – предположил Миша Костров. – Тогда и по знакомым шерстить ни к чему: грабители могли действовать сами по себе.

– Возможно, если преступники знали, за чем шли и где это лежит, иначе в квартире было бы все вытряхнуто на пол и перевернуто вверх дном. Только в таких случаях, как правило, без наводки не обходятся. И спросить не у кого, что пропало – Прохоренко жила одна. Близких друзей и подруг не нашлось, с родственниками тоже незадача. Мать Оксаны, Тамара Прохоренко, проживает в Турции. Отца нет. Отчим, который ее вырастил, давно умер. Хотя бы к наследству кто интерес проявил.

– Насчет этого беспокоиться не стоит. Квартира у Прохоренко приватизированная, родственнички непременно объявятся, – заверил Илья Сергеевич.

Следователь не ошибся: уже через сутки появилась прямая наследница. Мать Оксаны прилетела хоронить дочь и заодно оформить надлежащие документы на квартиру.

Вид Тамары Васильевны не впечатлял: потерявший форму красный трикотажный халат в крупный лиловый горох, резиновые пляжные тапки, спущенные гармошкой гольфы, воробьиная взъерошенность куцых крашенных волос. Характер женщины симпатии тоже не вызывал.

– Не понимаю, чего вы от меня хотите?! Я устала, замучилась, у меня горе, в конце концов, а вы прицепились! – Она смотрела сердитым взглядом, ожидая, когда Костров с Юрасовым покинут квартиру и оставят ее в покое.

– Тамара Васильевна, – примирительно сказал Михаил, – мы с большим уважением относимся к вашим чувствам и хотим скорее найти преступника. В этом мы с вами союзники, и нам нужно сотрудничать. Расскажите о своей дочери все, что знаете: чем занималась, с кем дружила, общалась.

– Оксанка ничем не занималась, ни с кем не дружила и не общалась, – емко ответила Тамара.

– То есть как? На что же она тогда жила?

Посверлив оперативников темно-серыми горошинами колючих глаз, дама с сожалением сообразила, что незваные гости без ответов на свои вопросы не уберутся. Она обреченно вздохнула и с видом учительницы, вынужденной разжевывать простейший материал тупым ученикам, пошла на контакт.

– Женщине не обязательно работать, чтобы иметь средства к существованию. Пусть мужики работают, это их дело. Они же дорвались до власти и нашу сестру во всем ограничивают. Пока миром правят мужики, бабам ловить нечего: ни карьеру не сделать, ни зарплату достойной не видать. Только дуры ежедневно приходят на работу и убивают там время. А оно летит ой как быстро. Не успеешь оглянуться, как тебе сорок стукнет. Сама такой по молодости была – стояла в пыльном цехе и слушала идиотские наставления мастера. Слава богу, поумнела: плюнула однажды на все, послала этого придурка куда подальше и стала сама себе хозяйкой. Бабы как рассуждают? Если они уволятся, с голоду помрут. Ничего подобного! Скорее можно зачахнуть от тоски и унижения, именуемого зарплатой. Если бы я продолжала ишачить на фабрике, разве вышла бы замуж? Познакомиться некогда, с утра через весь город туда, вечером – обратно. Приползаешь домой – телевизор и спать. Бросила работу, собой занялась, за волосами, ногтями ухаживать стала, темные круги от вечного недосыпа пропали, румянец появился на свежем воздухе. А в цехе одной пылью дышала. На меня, такую куколку, внимание обращать стали. Со своим первым я в кафетерии познакомилась. Взяла чашку кофе и сижу за столиком, глазками хлопаю. Раньше-то я по кафе не ходила, экономила. А чего экономить-то? Те гроши, что мне платили, как выяснилось, погоды не делали. Первое время жила на то, что удалось накопить, откладывая с каждой зарплатой. Родственники немного помогали, там перехвачу, тут займу... А потом поперло: поклонники косяками пошли. Заводились они стаями, как тараканы. Тут ведь как все получается: то пусто, то густо. А на это закон такой есть: мужик, он на ауру реагирует. Женщина, которая на свидания ходит, вся светится. Она сразу притягательной становится и всем интересной. Мужик – существо стадное: раз один глаз положил, так и у остальных тоже надобность появляется. Я Оксанке сразу сказала, чтобы время понапрасну не тратила, мужа искала. Только послушалась она меня наполовину: в институт не пошла, но и замуж не вышла.

– Почему вы считаете, что ваша дочь ни с кем не общалась? Соседка утверждает, что у нее часто бывали гости.

– Не смешите мои чешки! Кто к ней ходил-то?! Какие-то полоумные тетки с постными лицами. Разве это общение? Ей необходимо было вращаться в кругу успешных респектабельных мужчин.

На вопрос, зачем приходили к ее дочери «полоумные тетки», Тамара Васильевна ничего определенного ответить не смогла. Она жила своей жизнью и, по большому счету, делами Оксаны не интересовалась. Когда она иногда приезжала в Петербург по делам, останавливалась у дочери, в гостях не задерживалась, но и в те дни, когда она жила у Оксаны, ее раздражали странные знакомые дочери. «Будешь якшаться с посудомойками, сама посудомойкой станешь», – наставляла Тамара Васильевна, наблюдая очередную приятельницу Оксаны – сутулую женщину с потухшим взглядом, одетую в тряпки из «секонд-хенда». Дочь раздражалась, сообщала, что мать ничего не понимает и вообще – нечего лезть в ее дела. Тамара Васильевна демонстративно обижалась, и на этом разговор заканчивался.

– А подруги что? Неужели ни единой не было?

– Подруги не нужны, – авторитетно заявила дама. – От них один вред. Им доверяешь секреты, а потом расплываешься за откровенность. Подруга как ядовитая змея, пригретая на шее, – ужалит ни с того ни с сего, сколько добра ей ни делай. Кто первый мужика уведет? Тоже подруга. Влезет в душу, а потом в нее наплюет. Была у моей Оксанки одна, считавшаяся подругой, – Настя Рябинина, они с детства дружили. Ничего особенного, но из грязи в князи выбилась. Хотя какие там князи? Так, средний класс, но все же лучше, чем уборщицы с буфетчицами. Так и где она теперь, эта Настя? Где, я спрашиваю?! А? Нет ее. Разошлись пути подружек. Нет чтобы зайти по старой памяти, поинтересоваться, как дела, не надо ли чем помочь. Не нужна ей больше Оксанка. А зачем, когда у самой все в ажуре? Как говорится, с глаз долой – из сердца вон.

Сама Тамара Васильевна сполна отхлебнула из горькой чаши и воспитала Оксану, опираясь на собственное мировоззрение. Несмотря на кажущееся благополучие, ее жизнь не сложилась. Она три раза выходила замуж и каждый раз удачно. Хотя каким бы удачным замужество ни выглядело, если не на всю жизнь, то оно несколько не удачное. Дочь у нее была от первого брака с кандидатом наук – перспективным и обеспеченным мужчиной. В его просторной квартире в кирпичной высотке требовалась хозяйственная женская рука. У кандидата оказалось слабое сердце, не выдержавшее больше полутора лет семейного «счастья». Второй супруг ему не уступал – интеллигентный красавец, заместитель главы районной администрации, уставший от своей идеальной до оскомины супруги. Ему хотелось разнообразия, всплеска страстей и эмоционального подъема, которого у темпераментной Тамары хватало с избытком. Красавец-чиновник потерял голову. Он оставил любимых жену и сына, о чем потом жалел до конца жизни. Какое-то время он был счастлив. Ну, а турецкий владелец сети баров был лучше обоих своих предшественников вместе взятых. Правда, ему быстро наскучила русская жена, скандальный нрав которой он поначалу принял за будоражащую кровь эксцентричность. Он купил для нее в рабочем квартале средней паршивости квартирку и на этом отклонялся.

Дочку Тамара Васильевна заботой не баловала, на то полно родни: бездетные сестры с удовольствием возились с хорошенькой племянницей. Несмотря на избыток внимания, девочка росла замкнутой, и чем старше становилась, тем меньше испытывала потребности в общении. Она ни с кем никогда не делилась своими мыслями и переживаниями, держала все в себе. Никто не знал, какие чувства гнездились в ее одинокой душе.

Зима 1913 г. Петербург

Прекрасные поднятые руки, имитирующие игру на флейте, длинная сильная шея, божественные босые ноги. Каждое движение исполнено грации и красоты. Античная туника не столько скрывает, сколько демонстрирует изящное тело. Сердце у Данилки замерло, он стоял как вкопанный и был не в силах пошевелиться. Сцена опустела, овации стихли, зрители начали расходиться, а он продолжал пребывать под впечатлением танца. В воздухе повис сладкий аромат цветов, от которого у Данилки закружилась голова. Легкой величественной походкой королевы вошла она, богиня танца, сама Терпсихора. Обворожительно улыбнулась, обожгла его яркими сияющими глазами.

– Do you like my appearance? – произнесла она на чужом языке.

– Мадам спрашивает, понравилось ли тебе ее выступление? – перевел усатый тощий мужчина в щегольском костюме.

– Да, да! Очень понравилось! – затараторил Данилка. – Вы такая красивая, как ангел.

Он сказал это и почувствовал, как к щекам приливает румянец. Данилка опустил глаза и услышал залихватистый смех танцовщицы.

– Ангел! – сказала она с сильным акцентом. – I will call you Angel¹.

Мадам Дункан потрепала мальчишку по спутанным светлым кудрям и отправилась в гримерную.

– Жди здесь, – велел обладатель щегольского костюма, преграждая путь беспризорнику.

Данилка послушно опустился на деревянную скамейку и приготовился ждать. В его совсем еще детскую душу постучалось застенчивое чувство первой любви. Оно застало его врасплох, как незваная гостья, появившаяся на пороге поздним вечером понедельника: нарушает все планы, но прогнать невозможно.

Их встреча была отнюдь не романтической. В тот день Данилка крайне неудачно выбрал домохозяйку. Кряжистая опрятная женщина лет пятидесяти степенно шла от Сытного рынка по Кронверкскому проспекту. Она несла большую корзину, наполненную снедью. Данилка видел, как она покупала на рынке продукты: придирчиво выбирала жирных карпов, взяла шмат краковской колбасы, десяток яиц, сыр, калачи... У Данилки потекли слюнки, в пустом животе заурчало. В последний раз он ел два дня назад, когда в трактире разжился остатками жаркого. Он уже предвкушал, как затолкает в рот калач с желтым, как солнце, сыром. До покупки сыра Данилка еще колебался, за кем идти – за этой неуклюжей теткой или за другой, более молодой, которая покупала картошку и сметану. От сметаны Данилка тоже не отказался бы, но сыр выглядел куда соблазнительнее. А главное – домохозяйка. Та, что старше, показалась ему более безобидной. Такая не догонит – вон какая толстая и старая. В свои одиннадцать лет он считал всех людей, перешагнувших тридцатилетний рубеж, глубокими стариками.

Несмотря на возраст, домохозяйка оказалась прыткой, руки у нее были крепкими и тяжелыми. Это мальчик понял чуть позже. Дождавшись, когда жертва свернет с оживленного проспекта, Данилка, как чертенок, выскочил из подворотни и выхватил из рук женщины корзину. Надо было брать то, что сверху, и бежать, – подумал он задним умом, когда на него обрушился справедливый гнев потерпевшей. Огромная корзина оказалась для хилого Данилки неподъемной. Сил у него было немного, и его быстро догнали. Женщина больно лупила его по узкой спине и по голове; он смиренно принимал наказание, закрывая руками лицо.

– Вот негодник! Воровать вздумал! Я тебе задам! – приговаривала домохозяйка. Она схватила за руку свернувшегося ежом Данилку и потащила за собой. – Сейчас тебя к городо-вому отведу!

¹ Я буду звать тебя Ангелом.

– Тетя! Не надо к городовому! Простите меня, тетя! – стал упираться беспризорник и тут же получил увесистый удар в лоб.

Когда Данилка понял, что его песенка спета, и отчаялся, внезапно явилось спасение. Резко остановилась пролетка, из которой сначала выскочил тощий подхалим, а потом выплыла Она. Невесомая, едва касавшаяся заснеженной дорожки изящными лаковыми сапогами. Взмах пушистых ресниц, в глазах тревога. Мягкий насыщенный голос. Она что-то возбужденно говорила на непонятном языке.

– Мадам спрашивает, почему вы истязаете несчастного ребенка?

– Он вор, его в участок надо, – сердито ответила домохозяйка.

– Come with me, – она протянула купюру женщине и подала Данилке руку.

– Мадам приглашает тебя проехать с ней.

Переводчик Данилке не понравился сразу. Это чувство явно было взаимным. Он терпел беспризорника рядом, заостренное лисье лицо выражало брезгливость. Если бы не мадам, переводчик погнал бы мальчика поганой метлой.

Данилка вспомнил, где впервые увидел свою фею. На Большом проспекте возле телеграфа. Она была полуодета в легкую тунику и выглядела до невозможности воздушной, словно была богиней, спустившейся с небес. Высоко поднятая голова, игривые глаза, яркие губы. Их, пацанов-беспризорников, манил запретный алый цвет ее губ, призывно-взрослый и стыдный, но очень желанный.

– Ого, какая шмара! Таких даже в Москве на Тверской не встретишь, – выразил свое восхищение Темка Калачник. Он был самым старшим среди беспризорников и самым искусственным. Его уважали за умение воровать и не попадаться. Темка начал свою карьеру воришки в калачной лавке, где вытаскивал у зазевавшихся покупателей из карманов кошельки. За место работы он и получил кличку Калачник. Темка, в отличие от всех, был в Москве, чем очень гордился. Это позволяло ему судить о жизни.

– Надо думать. Она же иностранка! Ей твои с Тверской и в подметки не годятся, – поддел его Щербатый. Он был в компании вторым номером по значимости, завидовал Темке и пытался завладеть лидерством.

– Без соплей вижу, что иностранка. Вон не по-нашенски написано.

– Ну и что там написано? – полюбопытствовали пацаны, не знакомые с латиницей.

– Что надо, то и написано, – буркнул Темка, который и сам не мог прочесть витиеватые буквы на афише: «Isadora Duncan».

После того случая все пацаны стали тайне мечтать о загадочной иностранке. Калачник со Щербатым, самые старшие по возрасту, мечтали вслух, перебивая друг друга. Их романтические грезы были не лишены похабщины. Данилка тогда и предположить не мог, что ему посчастливится не только увидеть прекрасную иностранку, но и разговаривать с ней.

Из гримерной Айседора вернулась не скоро. На ней было свободное, напоминающее тунику хлопковое платье и мягкие туфли без каблучков. Она улыбнулась усталой улыбкой и жестом позвала Данилку.

– У тебя есть родители? Где ты живешь? – спросил неприятный переводчик.

Мать Данилки, прачка, отдала его в приют, когда мальчику исполнилось шесть лет. Тогда у него родилась третья сестренка. Кормить такую ораву было не на что. Отец его, может, и бродил где-то по свету, только кто он и как выглядит, Данилка не знал. Он год назад сбежал из приюта и с тех пор жил на чердаке дома на Пушкинской улице. Перебивался мелкими кражами, просил подаяния, иногда подрабатывал подсобным рабочим. Но беспризорников не жаловали, на работу брали неохотно, поэтому основным занятием оставалось воровство.

Всего этого Данилка рассказывать не стал – отправят еще в приют или, того хуже, к городовому. В приюте несладко: ни вздохнуть, ни плюнуть, приходится постоянно терпеть тычки

с подзатыльниками. Он и так едва сумел оттуда сбежать после того, как два здоровых пацана отутюжили ему физиономию.

– Мамка есть. Живу я на Большой Пушкинской, – уклончиво ответил он.

Айседора с сомнением оглядела его и что-то сказала переводчику.

В трактире на Мытницкой Данилка с жадностью ел щи, торопливо запихивал в рот пироги с рыбой, словно боясь, что отберут. Все это время переводчик сидел за столиком в стороне, сохраняя на противном лице безразличное выражение. До этого Данилку покормили в театральном буфете. Айседора сама принесла ему кучу бутербродов: с сыром, с рыбой, с копченой колбасой. Казалось, она скупила всю снедь, которая продавалась, чтобы накормить сорванца.

– Бедный маленький мальчик, – сочувственно произнесла она, но Данилка ее не понял – подхалим-то не перевел. Он только косо поглядывал на Данилку и на всякий случай проверил, на месте ли бумажник. Этот жест не остался незамеченным – ни мадам, ни мальчиком. Данилка привык, что люди видят в нем потенциального вора.

– Ты отлично сложен. Хочешь научиться танцевать? – услышал Данилка обращенные к нему слова долговязого. Мальчик понимал, что неприятный ему тип всего лишь переводит, но все равно похвала из уст этого брюзги звучала странно. Мадам приглашала его заниматься в танцевальной школе, в которую набирала детей из бедных семей. Кроме обучения, учащиеся получали бесплатное питание и одежду.

– Возьми, – черкнула она на листке, вырванном из записной книжки, свое имя. – Я обычно останавливаюсь в «Англетере». Сейчас мои гастроли в России заканчиваются, мне надо ехать. Приходи в марте. В гостиницу или в театр. Я предупрежу, тебя пропустят.

Положа руку на сердце, Данилка к танцам был равнодушен и ни в какую школу поступать не собирался. Он вообще слабо представлял себя танцором. Если пацаны узнают, что он стоит у станка и, как девчонка, машет ногами, засмеют и на всю жизнь приклеят какую-нибудь обидную кличку.

И все же... Как магнит, притягивала его к себе эта женщина, которая годилась ему в матери. Ради одного прикосновения ее длинных пальцев Данилка готов был разучивать па и батманы.

* * *

Найти Максима Инархова, чьи часы были обнаружены в квартире Прохоренко, не составило особого труда. Он работал в «Артемиде» и, по оперативным данным, никуда не собирался исчезать.

Представительный мужчина средних лет, ведущий технолог, Максим Викторович Инархов имел приличную репутацию. Не идеальную, ибо водились за ним мелкие грешки морального характера, но вполне приемлемую. Он был разведен и жил один, не привлекался, на работе нареканий не имел. Разве что был замечен в служебном романе с офис-менеджером, но это дела давно минувших лет, о которых никто и не вспоминал. Впрочем, данная подробность биографии Инархова для следствия интереса не представляла. Вызывало любопытство другое. Максим Инархов и Оксана Прохоренко были знакомы. Более того, их связывали родственные отношения – Максим приходился ей сводным братом. Ко всему прочему, Инархов был у Прохоренко в день убийства, приблизительно в то время, когда оно произошло.

С соседями, а точнее, с соседкой оперативникам повезло. Анна Ивановна оказалась из тех старушек, которые все всегда видят и знают. Она жила на одной лестничной площадке с Оксаной и отслеживала всех визитеров. Она и запеленговала Инархова. Анна Ивановна охотно отозвалась на просьбу милиционеров перечислить всех, кто приходил к ее соседке. Особенно оперативников интересовали люди, бывшие у Прохоренко в день убийства.

– Вы приходили к Оксане Прохоренко? Приходили, – задал Тихомиров вопрос Максиму и сам на него ответил. – Вас, уважаемый, видела соседка по лестничной площадке. Отпираться бессмысленно.

Инархов и не думал отпираться. Он хорошо помнил, как приехал в тот злосчастный день на Енотаевскую улицу. Раньше он был там только один раз, два года назад. Нужно было передать подарок от родственника. Пришел – отдал – ушел. В этот раз они договорились с Оксаной обсудить предстоящие похороны их общего дяди. Максим приехал в назначенное время, но Оксаны не оказалось дома. Мобильный она не брала. Потоптавшись у двери, Инархов вернулся и уехал. Соседка видела, как он шел к Оксане – это правда. Макс помнил сердитую старушку, отчитывавшую его за то, что он «ходит и ходит». К сожалению, бдительная дама не видела, что в квартиру сестры он не заходил. Следовательно, естественно, ему не верит. Максим никак не мог понять, каким образом его часы оказались в квартире Оксаны, откуда на них взялась ее кровь. Следовательно оперировал этим фактом и склонялся к тому, что убийца – Максим Инархов. Тихомирова понять можно, улика очень весомая, для обвинительного приговора других и не нужно.

– Вы, как никто другой, заинтересованы в смерти Прохоренко. Недавно скончался ваш общий родственник, московская квартира которого должна перейти по наследству вам обоим. Вы решили ни с кем не делиться и стать единоличным владельцем дорогостоящей недвижимости.

Ну конечно! Он так и думал: мотив лежит на поверхности – дядюшкина квартира в Сокольниках. Дядя Рома тяжело болел уже который год, его смерть не стала неожиданностью.

Отец Максима ушел из семьи, когда мальчику исполнилось одиннадцать лет. Очень скоро он женился на другой и напрочь забыл о сыне. Максим отца простил бы, если бы не видел страданий матери. Она была брошена неожиданно и жестоко. Развод не прошел бесследно, он лег паутинкой морщин на ее привлекательное лицо, заблестел сединой в волосах. Мама таяла на глазах, больше не было слышно ее смеха, она совсем перестала улыбаться, а по вечерам, после того, как укладывала его спать, тихо плакала в ванной. Почему папа променял его милую, красивую маму на несимпатичную, грубую тетку с малолетним ребенком, в голове Максима не укладывалось. К отцовской падчерице, Оксане, он неприязни не испытывал, впрочем, как и каких-либо других чувств. Со своей новоявленной сестрой Макс не общался и нисколько не интересовался ею. Впервые встретиться родственникам пришлось два года назад, на свадьбе троюродного брата. Максим равнодушно смотрел на молодую женщину: она как была в его жизни пустотой, так ей и осталась. Ее род деятельности, о котором Макс случайно узнал, показался ему крайне несерьезным, и у него окончательно пропало желание общаться.

Максим не стал комментировать слова Тихомирова. Что толку убеждать его в обратном? Квартира в Москве – отличный мотив для убийства, и оспаривать это бессмысленно.

– Напрасно вы молчите. В вашем-то положении... ну, как знаете.

Илья Сергеевич вызвал дежурного и велел проводить Инархова.

Юрасов сработал быстро. После наведения справок были выяснены родственные связи Инархова и сведения о московской квартире, которая переходила им с Оксаной в наследство.

– Очень перспективная версия, – зацокал языком Тихомиров. – Квартира – это серьезно. За квадратные метры близкие родственники друг друга убивают, а мы имеем дело со сводными братом и сестрой. А это совсем другое. Они чужие люди и, по сути, соперники. Максима бросил отец и ушел в другую семью. Дополнительный мотив налицо.

– Только все слишком складно и легко выходит с этими часами, будто Инархов полный идиот, раз умудрился оставить их около трупа, – заметил Шубин. Он никогда не верил в легкую удачу и не сомневался, что в деле обязательно всплывет какой-нибудь подвох. Анатолий вместе с Юрасовым оказался у следователя и портил Антону своим пессимизмом настроение.

– Согласен, на идиота Инархов не похож. Но это не исключает, что он мог допустить оплошность. Он же не хладнокровный рецидивист, чтобы, расправляясь с жертвой, контролировать свои действия. В такой ситуации нужны крепкие нервы, любой от волнения наследит, – не сдавался Антон.

Следователь никому не возражал и ни с кем не соглашался. Он был сам с усам и имел собственную точку зрения. Илья Сергеевич захлопнул папку с уголовным делом, старательно завязал тесемки и убрал ее в стол. Его рабочий день подошел к концу.

Как все скверно получилось! Неожиданно изменились планы и перевернулась жизнь. В конце августа он собирался в отпуск, уже заказал двухнедельный тур в Италию, а тут... Какая, к дьяволу, теперь Италия! Выпутаться бы из передрыг и остаться на свободе. Инархов привык трезво оценивать ситуацию и рассчитывать на самый худший вариант. Логика подсказывала, что при сложившихся обстоятельствах паршивый исход наиболее вероятен.

«Как же все-таки в Оксаниной квартире могли оказаться мои часы?» – мучился Максим вопросом. То, что часы принадлежат ему, Инархов ничуть не сомневался, да и следователь тоже. Он их потерял неделю назад. Где именно, не помнил. С ним иногда случались провалы в памяти, и это происходило преимущественно после основательных возлияний. А таковые как раз имели место – корпоративный выезд «Артемиды» на базу отдыха. Праздновали годовщину основания фирмы, которая совпадала с юбилеем генерального директора. Тот решил сделать широкий жест и арендовал на выходные коттеджи в пригороде, чтобы сотрудники могли отдохнуть на природе по полной программе: с шашлыками, выпивкой, купанием в озере и ночевкой. Инархов, в общем-то, человек непьющий, но когда выпадала возможность со вкусом заложить за воротник, старался ее не упускать. После того, как следователь обрисовал положение, в которое он попал, Максиму пришлось напрямч извилины, чтобы вспомнить, когда и где он видел свои часы в последний раз.

В четверг, накануне корпоратива, часы при нем еще находились. Это Максим помнил хорошо – в тот день было совещание, на котором он теребил металлический браслет. Инархов всегда так делал, когда его что-то раздражало, а на совещаниях раздражителей хватало. Одно выступление Вьюшина чего стоило. Мало того что Вьюшин ему сам по себе не нравился, так еще и нес сплошную ахинею. Были ли при нем часы в пятницу, Максим не помнил. По идее, должны были быть, так как до обеда у них продолжался рабочий день, а на работу он всегда их надевал. Около трех все дружно погрузились в автобусы и поехали за город. Вернулись в воскресенье. Приезд в город для Инархова был расплывчатым, он не совсем помнил, каким образом оказался дома, где уж упомянуть, были при нем часы или нет. Проснулся в понедельник, привел себя в порядок – и на работу. Выходных как не бывало. В понедельник часов уже не было – это Максим знал точно. Он их поискал дома, на работе в ящиках стола и, не найдя, беспечно махнул рукой.

«Как они могли оказаться у Оксаны, вот в чем вопрос, – размышлял Инархов. – Не сам же я к ней их принес с перепоя! На корпоративе, кроме сотрудников «Артемиды», никого не было, и Оксана там оказаться никак не могла даже случайно. А если она приехала в те же коттеджи на следующий день проводить семинар или просто отдохнуть? Могла ведь приехать? Могла. Нашла там часы, опознала по надписи и взяла, чтобы потом вернуть мне».

Версия на троечку с минусом, но она хотя бы выглядела логичной. Другого объяснения появления своих часов в квартире Прохоренко Максим придумать не смог.

– Любопытно, – прищурил хитрые глаза Тихомиров, когда на очередном допросе Инархов поделился с ним своими размышлениями. – Проверить-то мы, конечно, проверим, но не кажется ли вам, что ваше предположение, как бы это помягче сказать... бредовое?

– Кажется, но другого у меня нет.

– Скажите, какие у вас отношения с коллегами?

– Нормальные. Нормальные рабочие отношения, – ответил Максим, догадываясь, к чему клонит следователь. Он считает, что кто-то из коллег воспользовался случаем и спер у него часы, а потом подбросил их на место преступления. Но это чушь! Кому из сотрудников «Артемиды» это понадобилось и зачем?! Выюшин – придурок, никто не спорит, и «симпатия» у них взаимная, но не до такой же степени, чтобы прибить сестру и подставить его. Должность у него не последняя, но хлопотная и неблагодарная, поэтому желающих занять его место найдется не много, а таким изощренным способом – тем более.

– И никому вы дорогу не перешли?

– Нет.

– Вы все же подумайте, – порекомендовал Тихомиров.

Да что тут думать?! Не знает он, кому это понадобилось. Инархов стал мысленно перебирать всех коллег, кто мог взять часы. Никто не подходил, поэтому он решил не исключать никого.

«И какая сволочь так меня подставила?! Кому шею свернуть и ноги выдернуть?! Кто эта собака?!» – думал Инархов, уставившись на унылые стены камеры. Обстановка располагала к размышлениям, и Максим только ими и занимался. Ему во что бы то ни стало нужно найти ответ на один из вечных вопросов – кто виноват? Ответ же на второй вечный вопрос – что делать? – отыщется сам по себе.

Мотива, на его взгляд, ни у кого из его окружения не было, но в меньшей степени его не было, пожалуй, у Жанны.

Жанна Палеева – стройная шатенка с дерзкими зелеными глазами. Красавицей ее едва можно назвать, даже на «симпатичную» Жанна не тянула, но это если оценивать ее фотокарточку. В жизни Жанна преображалась благодаря необыкновенному флеру. В ней была та порочная притягательность, которая вызывает восхищение мужчин и тихую зависть женщин. Она обезоруживала прямоотой, знала чего хочет и умела настоять на своем. «Ну и стерва!» – говорили мужики, млея. «Вот стерва», – осуждали дамы, втайне мечтая о таком же успехе у противоположного пола. Инархов на стерв падок. В них есть что-то будоражащее кровь, постоянно подстегивающее, держащее в тонусе и дававшее чувствовать себя героем.

С Жанкой роман закрутился легко и непринужденно. Она сама подошла к нему на вечеринке, закинула ногу на ногу, манерно закуривая сигарету.

– Поехали ко мне, – сказала она без обиняков уже после четвертой фразы светской беседы.

Макс, не привыкший к такой откровенности, несколько ошалел. Он не нашел причины отказывать даме и себе в удовольствии. Нельзя было сказать, что это Инархову не понравилось, напротив, такая тактика ему показалась удобной. «Все бы так, а то столько времени приходится тратить на глупые ухаживания», – подумал он цинично.

Жанна работала в бухгалтерии и перед глазами не мелькала, они пересекались только на корпоративных мероприятиях и иногда в холле при входе. Отношения с ней Инархова не тяготили. Жанна была неглупой и не создавала неудобств: не названивала, не задавала идиотских вопросов вроде: «о чем ты сейчас думаешь» и «когда мы поженимся». Они встречались вне работы ради развлечений и приятного совместного времяпрепровождения. Никто в «Артемиде» не знал об их любовной связи, и это Инархову нравилось – он предпочитал свободу, не ограниченную ничем, даже ни к чему не обязывающими служебными романами. Да, Жанна душой не была. Она умела нравиться, но не прикладывала к этому усилий. Никогда не действовала по сценарию «сделай ему хорошо», по которому дама проявляет исключительно положительные стороны своего характера и носит «маэстро» пирожные на тарелочке (или что там пекла героиня Муравьевой?). Излучающая позитив женщина, поддерживающая приятную беседу, не ноющая о своих проблемах, болячках, не хотящая замуж – это прекрасно. Это очень

удобно для мужчин. Но неглупый человек очень быстро поймет, что такая вот мечта поэта – не более чем роль. Умный мерзавец воспользуется ситуацией, погуляет и бросит, а дурак женится и будет бесконечно удивлен скорой трансформацией милой невесты в сварливую жену. Встречаются, конечно, сущие ангелы в женском обличье, но они большая редкость – любая женщина имеет недостатки. Нормальный мужчина предпочтет естественность притворству, даже если оно на первых порах комфортно или льстит самолюбию.

Ласковое Средиземное море тихо мурлыкало о том, что жизнь прекрасна и беззаботна. Солнце целовало голые плечи, не прикрытые тенью пляжного зонта. Максим лениво растянулся на шезлонге и смотрел сквозь темные очки, как качаются волны. Жанна в миниатюрном белом купальнике на загорелом теле походкой морской царицы вышла из воды. Намокший купальник сделался полупрозрачным, будоража воображение окружающих мужчин. На Жанну смотрели, и ей это нравилось.

Она носила платья и воздушные длинные юбки с глубокими разрезами и никогда не надевала брюк. Ветер играл с резаным подолом ее юбки и распущенными волосами. На набережной в закатных лучах солнца она выглядела восхитительно женственной. Мужчины сворачивали шеи, любясь ею. Инархову это льстило, хоть он и не признавался себе. Жанна умела себя подать, в любой обстановке преподнести себя в выигрышном ракурсе: в ресторане, изящной ложечкой подцепляя десерт, в постели, как кошка потягиваясь на подушках, даже на кухне, когда готовила завтрак.

Одетая в шелковое струящееся платье, яркие босоножки на платформе и высоченном каблуке, делающие ноги бесконечными, вечером у бара она с ногами забиралась на диван, неторопливо пила красное вино, шуря в приглушенном свете близорукие глаза.

– Принеси мне кофе, – ласково командовала она низким голосом, опустошив бокал.

Макс с готовностью пионера шел к стойке за кофе для своей дамы. Ему нравилось выполнять ее капризы. Не все, конечно, а только такие, которые не требовали особых усилий.

Манеры Жанны были противоречивыми: то умилительная нежность, то напористость и даже развязность. Когда она слушала Макса, то слегка наклоняла в его сторону корпус, немного приоткрывая рот. Это выглядело очень трогательно. Тут же она могла громко рассмеяться над его шуткой, привлекая к себе внимание окружающих.

Жанна прекрасно смотрелась в автомобиле с откидным верхом: красном, под цвет ее платья и губной помады.

– Хочу вот этот! – ткнула она наманикюренным пальчиком в сторону ярко-алого «Ситроена». Макс не возражал – ему было все равно, какой автомобиль брать в аренду для путешествия по острову, и невинные закидоны подруги его забавляли.

Инархов никогда не думал рассматривать свою спутницу всерьез. Жанна, как и этот «Ситроен», хороша в качестве вещи напрокат. Развлечься с ней после рабочего дня, провести время на курорте, но не более. Ее, как острую приправу, можно принимать мелкими порциями, чтобы придать пикантность пресному блюду жизни. В больших количествах эта женщина невозможна.

Несмотря на свою стервозность, Жанна имела одно неоспоримое достоинство: она не претендовала на самое дорогое, что было у Инархова, – на его свободу. Сколько прекрасных женщин вокруг, с которыми у него могли сложиться романтические отношения! И сложились бы, если бы все эти милые создания не мечтали выйти за него замуж. Вообще-то Жанна тоже мечтала заполучить обручальное колечко и штамп в паспорте, но вслух об этом не говорила и ничего от Инархова не требовала. Как выяснилось, до поры до времени.

Первый тревожный звоночек раздался в самый неподходящий момент – во время любовной игры. Жанна его уже раздражила, она сидела у него на коленях, прильнув всем телом. Она целовала его шею и между поцелуями как бы невзначай спросила: ты меня любишь? Закономерный вроде бы в такой ситуации вопрос вызвал у Макса смятение.

Инархов никогда не признавался Жанне в любви, не любил ее, и эта тема между любовниками не поднималась – они просто занимались сексом, и все. Что ответить на щекотливый вопрос подружки, Максим не знал. Ответить утвердительно – значит соврать, но в данном случае ложь не так страшна, как ее последствия. Потом ведь будет шантажировать признанием. Сказать «нет» тоже нельзя. В этом случае можно остаться без секса. Инархов сделал вид, что не расслышал, и, чтобы Жанна не смогла повторить неудобный вопрос, он закрыл ей рот долгим поцелуем.

– Ого! – сказала она, когда поцелуй прекратился. Растрепанные волосы, на щеках румянец, глаза блестят – в такие моменты она была очаровательна, и Макс ловил себя на мысли, что он с ней почти счастлив, но тут послышалось снова: ты меня любишь?

Но зачем, зачем тетки все портят дурацкими разговорами?! Ведь так хорошо было им обоим, но нет, нужно устроить допрос.

– Это очень сложный вопрос. Я никогда не задумывался над этим, – ответил он уклончиво.

– Что тут сложного? Скажи, да или нет?

– Что такое любовь, я не знаю.

– Любовь – это когда засыпаешь и просыпаешься с мыслью о любимом человеке, с нетерпением ждешь встречи с ним, запоминаешь каждое сказанное им слово и хочешь быть всегда рядом с ним.

– Романтическая шизофрения, розовые сопли.

– Семья – тоже шизофрения, по-твоему? Или ты хочешь сказать, что все, кто вступает в брак, рожают детей – законченные идиоты?

– Не передергивай. Я такого не говорил. Семья – это ответственный шаг...

– Над которым ты еще не задумывался, – насмешливо закончила за него Жанна.

Инархов с грустью посмотрел на початую бутылку вина, коробку конфет, одежду, небрежно сброшенную на пол. А ведь так хорошо начинался вечер. И так нелепо закончился.

Жанка Палеева была особой сильной и решительной. Такая вполне могла расквитаться за «бесцельно потраченные лучшие годы», в течение которых он с ней спал, но жениться не собирался.

Вторым кандидатом в сволочи Инархов считал все-таки руководителя проектов Михаила Вьюшина.

Максиму вспомнился один эпизод. Это случилось незадолго до корпоративного выезда на озеро. Они вроде бы помирились с Жанной, но для секса отношения были недостаточно прочными, и на всякий случай следовало укрепить позиции. Жанна его не отталкивала, но стала более холодной. Играет, – решил Максим, ждет шагов навстречу, заглаживания вины, презентов и прочей мути. Инархов виноватым себя не чувствовал, но счел разумным умаслить подружку. Он купил коробку любимого Жанной зефира в шоколаде и вечером, когда все сотрудники разошлись по домам, отправился в бухгалтерию. Заранее со своей дамой он не договаривался – сюрприз как-никак. То, что Жанна еще не ушла, Макс определил по тому, что ее компьютер был в сети.

Инархов распахнул дверь бухгалтерии и за столом Жанны обнаружил... Вьюшина.

– Что ты тут делаешь? – спросил Макс после некоторой паузы.

– А ты что? – огрызнулся Вьюшин.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, как два кота, не поделивших помойку.

– Я-то понятно, а вот ты? – усмехнулся Макс. Он начал понимать, что к чему: Жанка решила вильнуть хвостом – назло ему флиртовать с Вьюшиным.

– И я понятно, – улыбнулся руководитель проектов противной улыбкой.

– Ну-ну, – хлопнул дверью Инархов.

Вот стерва! С Вьюшиным замутила! Это даже не смешно! Маленький, сутуленький, мозг, как у тушканчика. А Мишенька губки раскатал, думает, приглянулся Жанке. Как же! Ей этот клоун только для забавы, потешится и бросит. Ко мне прибежит.

– Ты уже на женатиков переключилась? А как же твой принцип: женатый мужчина – это мертвый мужчина? – насмешливо сказал он Жанне на следующий день.

– Ты о чем?

– О Вьюшине. Он не разведется, и не мечтай.

– А ты что, ревнуешь?

– Да боже упаси.

– Сам любезничаешь со Снегиной, вот и продолжай дальше.

Теперь Инархову стало понятно, откуда ноги растут: Жанка приревновала его к Алисе Снегиной. Он даже улыбнулся. Алиска, милая кокетка, влюбилась в него и теперь докучает своим вниманием. Он же не виноват, что бабам нравится. С Алисой Макс держался кремнем: флиртовал с ней в меру и далеко не заходил – нечего баловать. А Снегина, как ему казалось, ждала от него решительных шагов. Ждала и не дождалась.

Они с Жанной помирились, все само собой рассосалось и забылось, и вот теперь, перебирая возможных мстителей, Макс подумал, что Вьюшин, возможно, не такой уж безобидный. Женат, а все туда же. Соперника в нем увидел и устранить решил. Они с Жанкой хоть и не афишировали своих отношений, но шила в мешке не утаишь – слухами земля полнится, а офис тем более.

Вьюшин в роли мерзавца был хорош, но что-то подсказывало Макс, что это не он. В любом случае, нужно было иметь про запас и другие варианты.

«А может, Снегина? – посетила Инархова бредовая мысль. – А что? Нет никого страшнее отвергнутой женщины».

Весна 1913 г. Петербург

Вторую неделю шли дожди. Казалось, они не прекращаются ни днем, ни ночью, лишь иногда становясь менее интенсивными, переходя в морось. Природа словно сошла с ума, проливая дожди в неподходящее время года. Данилка сидел в подвале, поджав под себя ноги – так теплее. Больше всего он жалел, что не удалось спасти самую ценную вещь своего имущества – ватное одеяло. Одеяло было добротным и очень теплым, разве что слегка грязным, так это для него, Данилки, недостатком отнюдь не являлось. Главное, что грело лучше любого тулупа. Если бы не одеяло, вряд ли он смог бы пережить зиму. Эх, хорошо бы еще где-нибудь таким же одеяльцем разжиться, – думал он, дрожа от холода. Но разве может еще раз так сказочно повезти? Два раза снаряд в одну воронку не падает. Значит, и второго такого одеяла никогда не умыкнуть. Не оставляют хозяйки без присмотра хорошие вещи на веревке. Была одна клуша зазевавшаяся, но таких поискать.

Кроме отсутствия теплого одеяла, Данилку тяготили и другие думы. Например, где теперь работать? Раньше он кормился на Сытном рынке, а после того, как пришлось перекочевать с чердака на Большой Пушкарской в подвал дома на Волковском проспекте, рынок стал недостижим из-за большого расстояния. Он однажды попытался дойти туда пешком. Добрался ближе к вечеру, когда основные покупатели уже прошли и делать, в общем-то, на рынке нечего. Голодный и уставший, как собака, он вернулся в свой подвал. «Не до жиру, быть бы живу», – вертелась у него фраза из той жизни, которую он провел с матерью. Ее по любому поводу произносила соседка, и вслед за ней так стала говорить и мать.

Дом на Пушкарской сгорел. Пожар начался утром, в то время, когда Данилка ошивался на рынке в поисках наживы. В тот день ему повезло заработать на уборке мусора. Хозяин наградил по-царски. Беспризорник потратил деньги аккуратно: купил булку и вождеденный кусок вареной колбасы. Он очень хотел леденцов, но тратить на них не стал, остаток гонорара спрятал на черный день, который оказался не за горами.

Дом пылал синим пламенем. Это зрелище вызывало у Данилки противоречивые чувства: отчаяние от того, что горит его жилище вместе с нехитрым, но очень нужным скарбом, и необъяснимый восторг. Он стоял вместе с зеваками и заворуженно смотрел на гигантское пламя, уничтожающее хрупкую конструкцию. Пожар грозил перекинуться на соседние дома и от этого еще сильнее притягивал к себе внимание толпы.

Данилка с трудом нашел пристанище в старом доме недалеко от Волковского кладбища. До этого скитался по Петроградской стороне среди знакомых беспризорников и взрослых бродяг. Его пускали ненадолго, остаться жить – нет, самим тесно. Теперь нужно было обосноваться на новом месте и отстаивать право работать на чужой территории. Район Волковки был глухим с точки зрения торговли, ближайшие лавки находились довольно далеко, на Лиговском проспекте, но туда идти гораздо ближе, чем до Сытного. Конкуренция на Лиговском жесткая, это Данилка понял в первый день, когда явился. Его отвел в сторону долговязый подросток бродяжного вида и порекомендовал больше сюда не соваться. Для убедительности Данилке высыпали увесистый подзатыльник, от которого зазвенело в ушах.

Пока Данилка питался тем, что можно подобрать с могил. По христианской традиции люди оставляли на могилах своих близких продукты, чаще всего хлеб. Урожайной обещала быть радуница. Тогда можно поживиться вареными яйцами, куличами и даже колбасой. Но до радуницы еще далеко. А в остальные дни продуктов набиралось с гулькин нос, и те норовили перехватить бездомные собаки. Вообще-то Данилка кладбища побаивался, памятуя страшные истории про мертвецов, бытующие среди беспризорников. Особенно запомнилась история про хромого рыбака, который по ночам поднимается из могилы и до рассвета ищет того, кто про-

дырявил его казанку. Ее рассказал Щербатый, а рассказывать он умел – у всех пацанов по коже бежали мурашки, когда он вещал своим низким, нарочно переходящим в хрипоту голосом.

– Не до жиру, быть бы живу, – как мантру, повторял Данилка, кутаясь в тряпье.

Теперь школой танцев он грезил. Мадам говорила, что учеников содержат на полном довольствии: кормят, одевают в униформу, и живут они в интернате. «Сейчас бы тарелку щей», – мечтал он, вспоминая, как сытно поел в трактире благодаря Айседоре. Минул март, уже всюю стоял сырой апрель, а мадам Дункан никак не приезжала. Данилка каждую неделю совершал дальний поход к театру в надежде увидеть афиши с ее именем. Сердитый швейцар гонял его от парадного входа. Он запомнил мальчишку и, как только тот показывался на горизонте, махал ему, изображая жест «пошел прочь», и ворчливо сообщал, что мадам приехать не изволила.

Теперь Данилки не до любви. Какая тут любовь, когда урчит в животе и вот-вот с голоду протянешь ноги? Он ждал Айседору, как спасения.

Год начался неудачно. Шлейф неприятностей тянулся из минувшего двенадцатого года. Они с Зингером в очередной раз поссорились, и Айседора поняла, что их когда-то трепетные отношения получили серьезную трещину. Будучи независимой и свободолюбивой женщиной, она не бросилась спасать уходящую любовь. Дункан погрузилась в работу, решив в этот раз отправиться с гастролями в Россию. Холодная страна была ей знакома по прошлым визитам. Щедрое застолье, разудалое веселье, тройки, баня – все это должно было привести Айседору в тонус. Здешняя публика принимала ее тепло, среди театральных деятелей у нее появились друзья. Айседора давно хотела создать свою школу танцев и рассчитывала на протекцию влиятельных знакомых. «Я научу детей слушать музыку душой. Душа сама подскажет движения, они будут не учиться, а играть, проживать на сцене жизнь, танцевать легко, как ангелы, словно их учили танцу с рождения». Выросши в бедности, она особенно сочувствовала беспризорникам. Ей хотелось всех их усыновить и согреть своей материнской любовью. Именно их она собиралась набрать в свои танцевальные классы.

Мальчик Данилка, белокурый и тонкий, как щепка, походил на ее сына Патрика, только Патрик намного младше, с младенческой припухлостью щек, но с такими же умными выразительными глазами и ангельскими кудрями. Беспризорник ей стал особенно дорог после трагедии, которая случилась с сыном и дочерью. Айседора часто вспоминала Данилку, хотела за ним приехать, но ее сковала тяжелейшая депрессия.

Год выдался черным. Она успешно гастролировала по России, но сердце отчаянно звало домой, во Францию. Дурные предчувствия, кошмарные сны, и как последняя капля – померещившиеся в снегу детские гробы. Айседора почувствовала ледяное дыхание смерти. Она бросилась к детям в Париж. Патрик и Дидра были живы, но интуиция ее не обманула – вскоре дети погибли. Как она не сошла с ума, никто не знал. Внешне спокойная и хладнокровная, мадам Дункан находилась на грани истерики. Ей словно протянул с небес руку бог, помогая удержаться, чтобы не перешагнуть последнюю черту.

Данилка так и не дождался свою фею. «Как же она забыла свои обещания? – бредил он на грани голодного обморока. – Бросила меня, как когда-то мать. К чему ей, барыне, такая обуза? Живет своей легкой красивой жизнью, состоящей из удовольствий и развлечений».

Он не знал, что неземная женщина стоит на краю пропасти, собираясь покончить с собой.

* * *

Кострову с Шубиным выпала нелегкая задача. Они искали свидетелей или ее гостей, тех, кто мог хоть что-то рассказать об Оксане. Люди, по словам Анны Ивановны, ходили табунами.

– Никакого толка. То ли дело раньше! Пухлые телефонные книжки с потрепанными краями, где убористым почерком владелец записывал данные своих знакомых, – посетовал Шубин, просматривая список абонентов в мобильном телефоне Оксаны. Из длинного беспорядочного списка он выписал несколько номеров, которые показались ему интересными: Вивальди, Даная, Кристина. Остальные либо записаны слишком официально – по имени-отчеству, либо по фамилии, либо безлико, как название мест. Как рассудил Шубин, близких и друзей в телефонные книги заносят под сокращенными именами, во всяком случае, без отчеств и фамилий. Кроме выбранной им троицы, были еще Кати, Вали, Паши, но с ними Оксана, судя по справке, предоставленной оператором сотовой связи, на связь не выходила, зато с Данаей и Вивальди болтала часто. С Кристиной перезванивалась реже, но достаточно, чтобы указывать на их тесные отношения.

Миша копался в компьютере Прохоренко, и работа не клеилась. Непросто разобраться в чужих файлах и папках, хаотично разбросанных по дискам. Странные фотографии, картинки, тексты эфемерного содержания. Одно он понял точно: Оксана всерьез занималась астрологией и подобными направлениями. На эту мысль оперативников сразу навела обстановка квартиры Прохоренко, как только они переступили порог. Сейчас стало очевидным, что это не просто увлечение. Костров окончательно в этом убедился, когда встретился с людьми, общавшимися с Оксаной.

– Агнесса была богиней, эталоном, к которому следовало стремиться, – с жаром говорила Даная, художавшая дама около сорока. – И в то же время она всегда оставалась на равных со слушателями, подтверждая этим теорию, что каждый легко может встать в один ряд со звездой и, в конце концов, стать ею. Она вела за собой, учила видеть незримое, слышать неслышимое и осязать то, чего нет.

Чем дольше Миша слушал этот бред, тем прочнее утверждался в мысли, что перед ним сумасшедшая.

Рослая Даная постоянно сутулилась, отчего походила на стручок гороха. По паспорту ее звали Ольгой Покрышкиной. Как потом выяснилось, большинство клиентов Оксаны придумывали себе псевдонимы. Оксана именвала себя Агнессой. Это по ее наставлению появлялись псевдонимы. «Имя, – говорила Агнесса, – выражает сущность его носителя. Невозможно быть мягким и покладистым, обладая именем, состоящим из резких звуков. Волей-неволей человек, названный агрессивно, становится жестким и бескомпромиссным. Не человек должен подчиняться своему имени, и даже не имя человеку. Они должны находиться в гармонии и быть созвучны друг другу».

Мужчина лет двадцати пяти – тридцати одним своим видом являл собой образец ходячего недоразумения. Длинные грязные волосы, собранные в конский хвост, косо сшитые брюки, несвежая рубашка навыпуск, претензионная черная шляпа и галстук ярко-голубого цвета. Виктор Ивлев именвал себя ни больше ни меньше Вивальди. Он мнил себя талантливым скрипачом и нахально присвоил фамилию известного музыканта.

– Нельзя ограничивать себя в желаниях. Мы получаем то, что позволяем себе иметь. Если бояться мечтать о чем-либо, то не стоит ожидать, что это сбудется. Я – Вивальди, и это не случайно. Надо равняться на великих, чтобы самому стать одним из них. Равняться и верить в свое предназначение.

Кристина производила более благоприятное впечатление. Уже хотя бы потому, что обошлась без псевдонима. Как выяснилось позже, псевдоним она себе еще не придумала. Те, что ей нравились, – Монро, Афина, Психея, – были уже заняты другими, более проворными слушательницами. Поначалу Кристина даже показалась нормальной, пока тоже не заговорила о предназначении.

Из их рассказа сыщики кое-что вынесли: Оксана-Агнесса проводила консультации и семинары, за которые брала деньги, причем немалые.

– Мы имеем дело с народной целительницей, гадалкой, астрологом, парапсихологом и так далее в том же духе, – заключил Андрей Атаманов, выслушав доклад подчиненных. – Если преступление как-то связано с ее деятельностью, то все, пиши пропало. Среди клиентов Прохоренко сплошные помешанные. Работать с этой публикой невозможно – никакой логики в поступках.

Обнаружилась еще одна любопытная деталь. Почти все говорили про перстень: старинный, с драгоценными камнями, доставшийся Агнессе в наследство. По словам «богини», он начинал свою историю с семнадцатого века и когда-то принадлежал английским монархам. Перстень, несомненно, указывал на непростое происхождение его владелицы. Как утверждали ученики Оксаны, камни обладали магической силой – они приносили успех и открывали каналы для связи с космосом. Оперативники вскоре увидели перстень, правда, только на фотографиях, которые нашли в компьютере Оксаны. Он был представлен во всей красе: на руке хозяйки и отдельно, крупным планом. Огромные камни цвета индиго завораживающе переливались в свете свечи. Фотографий со свечами у Оксаны было много. Одна выглядела особенно эффектно: блики падают на лицо, делая его загадочным, глаза блестят колдовским блеском, пальцы с безупречным маникюром чуть касаются подбородка. На указательном – перстень. Темно-вишневые губы и ногти в сочетании с ночной синевой камней на фиолетово-баклажанном фоне. Несомненно, фотограф, снимавший Оксану, не лишен таланта. С фотографии смотрела неземная женщина, настоящая богиня, та самая, о которой рассказывали Даная и Вивальди. С точки зрения эстетики лицо Оксаны было самым заурядным, но выразительный взгляд, свет, атрибуты делали его необыкновенным. Свечи и камни создавали ореол таинственности. Невольно появлялись мысли о сверхъестественных свойствах перстня и его обладательницы.

Фотографию предъявили ювелиру. Он не стал выносить оценку заочно, лишь выдвинул версию, что ювелирное изделие должно быть очень дорогим. Внешний вид перстня говорил о том, что он действительно мог быть изготовлен в семнадцатом веке и принадлежать монаршей особе, скорее всего, английской. Это ювелир определил по характерному узору. По его предположению, перстень ввиду своей уникальности и размеров камней имеет очень высокую стоимость. Но это при условии, что камни настоящие, иначе перстень – не более чем красивая побрякушка.

Украшение необходимо было найти. Слушатели курсов Прохоренко утверждали, что Оксану убили именно из-за него. В этом оперативники с ними оказались солидарны: столь дорогая вещь вполне могла послужить мотивом убийства. И убийцу стоило искать среди слушателей. Ответ на вопрос, с кого начинать, напрашивался сам: из всех учеников Оксаны одна Кристина не обмолвилась о перстне даже вскользь.

Как ни странно, Тамара Прохоренко о старинном перстне, доставшемся по наследству ее дочери, ничего не знала или по каким-либо причинам не хотела говорить. Она лениво посмотрела на распечатанные фото, затем, смерив явившегося к ней Кострова презрительным взглядом, процедила:

– Не было в нашем роду никаких драгоценностей. Кастрюли да подушки – все наследство, на которое можно рассчитывать.

– Вы уверены? – допытывался Миша.

– Молодой человек, я, слава богу, пока что в здравом уме и отлично знаю, что никаких драгоценностей Прохоренки отродясь не имели. Откуда им взяться в деревне-то? Мать моя дояркой была, бабка тоже. Всю жизнь в коровнике проторчали. И все наши предки из простых крестьян.

Максим Инархов про существование перстня тоже не знал. По крайней мере, так ответил.

– О перстне слышу впервые, может, он и был. Мы с Оксаной не общались, поэтому, что там ей досталось в наследство и от кого, меня никогда не интересовало.

– Хочу заметить, после смерти Прохоренко перстень исчез. Стоимость его достаточно велика, и вы прекрасно понимаете, что из-за него вполне могли убить Оксану.

Следователь был прав: Макс все понимал лучше некуда. Пропала дорогая вещь, и он, Максим Инархов, первый подозреваемый.

* * *

Ближе к вечеру оперативники разошлись, и Костров остался в кабинете один, если не считать золотой рыбки, которая жила в маленьком, похожем на банку аквариуме, стоявшем рядом с Мишиным столом. На столе перед лейтенантом лежал чистый тетрадный лист. Кострову нужно было работать над версией, по которой предполагалось, что убийство Прохоренко связано с перстнем. Сначала он еще раз перечитал все, что нашел в Интернете о сапфирах. Синие камни манили с экрана и завораживали блеском. Миша и не знал, что бывает столько видов сапфиров. Яхонтовая тема оказалась такой увлекательной, что он не заметил, как стемнело. День подходил к концу. Лист, приготовленный для записи плана действий, оставался девственно-чистым. Мысли никак не желали посещать вихрастую голову. Костров вскипятил чайник, достал не съеденные днем бутерброды, заодно подсыпал корма рыбе. При сытом желудке должно соображаться лучше.

– Судя по размеру камней, перстень Прохоренко уникален, и он должен быть зарегистрирован, – рассуждал вслух лейтенант, – особенно если изготовлен в семнадцатом веке. Тогда что следует сделать? – спросил он у вуалехвостой рыбы, и тут же сам ответил: – Правильно! – он поучительно поднял палец вверх. Рыба при этом замерла. – Направить запрос в архив.

Он сделал пометку.

– Следующий момент. Оксана всем говорила, что перстень перешел ей по наследству. Тогда спрашивается, почему мать это отрицает? – рыба внимательно смотрела на него своими большими глазами. – Отвечаю. Вероятнее всего, Тамара Прохоренко вводит нас в заблуждение. Хотя, может, действительно ничего не знает. Но тогда, получается, что по каким-то причинам врала Оксана, – продолжал он втолковывать питомцу. – Что молчим? Не слышу выводов. А выводы просты, как грабли.

Костров прикончил бутерброд и, запив его остатками чая, взял ручку и сделал вторую запись:

«Тамара Прохоренко знает о перстне. Она врет по причинам:

- хочет выгородить дочь;
- преследует собственную корыстную цель».

Миша задумался. Первый вариант показался ему сомнительным: какой смысл матери покрывать Оксану, если той уже нет в живых? Напротив записи он поставил жирный вопросительный знак.

«Врет Оксана: перстень к ней попал иным путем, нежели через наследство».

– А зачем ей врать, как ты думаешь? – снова обратился он к рыбе. Та ничего не думала, махнула хвостом и уплыла. Не обращая внимания на потерю собеседника, Костров продолжал рассуждать: – Затем, что дело нечисто. К Оксаночке перстень мог попасть сомнительным путем.

Здесь Миша снова задумался: Оксана у него как-то не ассоциировалась с матерой преступницей. Но он на всякий случай оставил в плане этот пункт.

– Либо.... Не было никакого перстня! – осенило его. – А вот так, золотая моя, – мы его видели только на фото в Сети, а там чего только не нарисуешь?

В это время рыба подплыла к борту и уставилась выпуклыми глазами на хозяина.

– Без тебя знаю, что полно свидетелей, видевших у Оксаны перстень! Нашлась тут умная! – фыркнул он. – Ничего, и эту задачку осилим.

После утренней летучки Костров доложил о результатах работы шефу. Атаманов выслушал доклад про сапфиры и остался недоволен.

– Ты где пытался найти информацию о пропавшем перстне? В Интернете? Замечательно! Яндекс знает все, а если чего-то не знает, то этого вовсе не существует. А в архивы теперь обращаться не надо.

– Я послал запрос, но ответа пока нет, – сказал в свое оправдание Миша, хотя запрос он отправить еще не успел. – Я вот что думаю. У Прохоренко перстня не было!

– Ты сегодня не выпался? – вскинул свои белесые брови майор. – Сам же фото показывал. А что со свидетельскими показаниями прикажешь делать? Не болтай ерунды, лучше иди работай.

Коллеги были солидарны с Андреем.

– Вредно копаться в мистике, так и свихнуться можно, – ехидно посочувствовали Кострову.

– Сами посудите: перстень якобы ей достался в наследство, но мать при этом о нем не знает. И где он теперь, перстень этот? У Инархова его не нашли.

– То, что не нашли у Инархова, еще не значит, что он не брал. Или плохо искали, или хорошо спрятал, – вставил свое слово Юрасов, которому Инархов казался вполне подходящим кандидатом на роль убийцы. – Я считаю, что мать не обязательно должна знать о том, что ее дочь получила наследство. Перстень мог ей достаться от отца или от отчима. Например, от того самого человека, который оставил мать Максима Инархова ради Тамары Васильевны. Максим мог знать о перстне. Знать и прийти за ним к Оксане.

– Возможно, Антон прав, – произнес майор. – Отец Инархова умер семнадцать лет назад, то есть если он что-то передал Оксане, то ей тогда было не больше тринадцати лет. Возраст девичьих тайн, в которые непременно посвящаются подружки. Если бы какой девчонке тайком от матери подарили бы какую-нибудь дорогую вещь, вряд ли она смогла об этом молчать. Нужно найти подруг детства Прохоренко. Тамара Васильевна упоминала некую Настю Рябинину. Вот ею и стоит заняться.

1920 г. Париж

В последнее время Айседора танцевала все меньше, но по-прежнему оставалась любима публикой. Она располнела, ее красота неумолимо начала увядать, Дункан чувствовала приближение заката танцевальной карьеры. Она ощутила его внезапно, однажды взглянув в себя в зеркало, но не как обычно, а по-иному. Морщинки, которые раньше списывались на усталость, «случайная» седина, «временные» лишние килограммы – неотвратимые вестники стремительно уходящей молодости. Сцену нужно покидать вовремя, считала Айседора. Она знала, чем займется по окончании карьеры танцовщицы. Она всегда хотела преподавать в собственной школе танцев, чтобы «вести душу ребенка к источнику света». Она открывала школы в Германии, Франции, Америке, и существовали они, как правило, недолго. Всему виной нехватка средств. Она была талантливой танцовщицей и наставницей, но, увы, бездарным администратором. Деньги утекали сквозь изящные пальцы Айседоры, как песок, и она сама часто оказывалась на краю финансовой пропасти. «Где же бродит мой миллионер, который купает меня в роскоши и станет меценатом для моих учеников?» – устало вздыхала она. Дункан любила жить шикарно, нищета вгоняла ее в уныние. Настроение все чаще было дурным. Приближалась депрессия, от которой ничего не спасало: ни цветы, ни поклонники, которые не переводились даже теперь.

В один из таких тоскливых вечеров, когда Айседора после спектакля сидела в гримерной, на пороге появился мужчина лет тридцати, высокий, с эффектной внешностью. Он протянул пышный букет кремовых роз и упал на колени. Звезда равнодушно взглянула на очередного воздыхателя. «Слишком молод», – оценила она.

Поклонник оказался весьма состоятельным. Мистер Граудорф был виконтом из древнего британского рода. Он дарил дорогие подарки, водил в лучшие рестораны и каждый день присылал букеты – один роскошнее другого. Очаровательные бутоны исключительной свежести и красоты. Густо-розовые лепестки, с легким оранжевым дыханием, переходящие в чистый розовый цвет. Сильный, классический аромат с нотами малины. Таких цветов Айседоре не дарил никто, разве что Лоэнгрин, но он это делал не так часто. К тому же Лоэнгрин не был столь романтичным, как пылкий виконт.

Айседора просыпалась на простынях из красного шелка. Ее коротко стриженные волосы золотило утреннее солнце, на журнальном столике ждал завтрак: вкуснейшие булочки с ароматным кофе. Около подушки лежали бархатные розы.

Виконт был нежен и обходителен. Он целовал Айседоре ладони и трогательно расчесывал ее волосы. Жизнь Дункан преобразилась, стала похожа на сказку. Она не была влюблена в своего поклонника, всего лишь позволяла себя любить, но и это очень приятно. Граудорф казался совершенством.

Роман с англичанином был летним, ярким и легким. Он ураганом ворвался в ее жизнь, закружил в танце страстей и упорхнул с первым дыханием осени, оставив массу приятных впечатлений и ворох подарков, среди которых был восхитительный своей красотой неимоверно дорогой перстень. По словам Граудорфа, он являлся семейной реликвией, которая передавалась из поколения в поколение с середины семнадцатого века. Несмотря на свой солидный возраст, перстень прекрасно сохранился. Изящное белое золото завораживающе сверкало в солнечных лучах, камни играли небесным синим цветом. Их было восемь: семь небольших сапфиров и один огромный в форме сердца в пять карат кашмирский самородок с шелковистым блеском.

Айседора оценила широкий жест виконта. Пожалуй, это самый дорогой подарок, который она когда-либо получала. Драгоценности, родовое имение, дворянский титул – Граудорф мог дать ей многое, но он, как и все ее мужчины, был ревнивым и зеленел при виде ее поклонников.

Айседора не собиралась расставаться со свободой, для этого она была слишком независимой. «Никто не может меня купить!» – повторяла она. Виконт готов был бросить к ее ногам весь мир, лишь бы она принадлежала ему одному. Но и эта плата оказалась недостаточной, чтобы Айседора покорила.

По обыкновению, когда в любви наступала зима, душа Айседоры отогревалась танцем. Между любовниками пробежал холодок, и Дункан погрузилась в работу. Как раз в это время Советское правительство прислало ей приглашение с предложением организовать школу в России, обещая финансовую поддержку. Айседора приглашение приняла с энтузиазмом. Наконец-то началась сбываться ее мечта – собственная школа танцев. Луначарский предоставил в распоряжение Айседоры роскошный дворянский особняк.

– Вот ведь негодяй! Обещал, что я буду танцевать в храме Христа Спасителя, а пришлось в Большом театре! – говорила она позже про наркома просвещения. – Хотя он подарил мне целую школу танцев!

Большевистская Россия внушала ужас, все отговаривали ее ехать в эту голодную, разрушенную страну, но Дункан была настроена решительно. Ей чудилось, что в отдельно взятой стране будет построен идеальный мир, преисполненный братской любовью и дружбой. Она собиралась провести всю свою оставшуюся жизнь в этом прекрасном новом государстве, ходить босиком и носить просторную тунику с шарфом пролетарского красного цвета.

Дункан от своих намерений не отступилась. Вскоре она танцевала на российских сценах экспрессивный танец с шарфом. Алое полотнище вило вокруг ее гибкого тела, облаченного в белую тунику, аллегорически символизируя бурю революции. Простые движения: шаги, легкий бег, невысокие прыжки, свободные батманы, выразительные позы и жесты. Она эмоционально проникала в музыку и точно передавала ее зрителю. Каждое движение было достойно восхищения и заставляло учащенно биться сердце. Красное и белое, страсть, темперамент, надрыв – зрелище пришлось по нраву большевистской публике. Другие революционные танцы из репертуара также пользовались популярностью. Она танцевала под «Марсельезу» и «Интернационал». Особый успех имели композиция «Славянский марш» и «Варшавянка», в которой «знамя революции подхватывалось из рук павших борцов новыми и новыми борцами».

Айседора ни разу не пожалела о том, что приняла приглашение работать в Советской России. Здесь ее творчество получило новый успешный виток, здесь же осуществилась ее главная мечта – «Студия пластики для пролетарских детей», как называли ее школу большевики. Уже в двадцать первом году ее ученики выступали на театральных подмостках. Босоногие танцоры в свободных белых туниках с красными флагами вызывали восторг. Айседора была почти счастлива.

На одном из концертов, когда Дункан вышла на поклон, на сцену поднялся одетый в гимнастерку паренек, по возрасту совсем мальчишка, худощавый блондин с голубыми озерами глаз. Его тонкое лицо с высокими скулами показалось ей знакомым. Юноша протянул букет полевых цветов. Он смотрел на приму и чего-то от нее ждал.

– Вы меня не узнаете? Я Данилка!

Айседора взяла цветы, одарив его нежной улыбкой. Юноша не уходил, она терпеливо ждала.

Он не знал английского, Дункан не говорила по-русски.

– Это я! Я, ангел! – втолковывал Данилка.

– Ангел, – произнесла Айседора знакомое ей слово.

Овации не умолкали, публика требовала танец на бис. Грянула музыка, и Данилке пришлось покинуть сцену. Он спустился в зал, не ощущая себя в пространстве. Только что состоялась их встреча. Встреча, которую он так долго ждал, но она оказалась совсем не такой, как он себе ее представлял. Узнала она его или нет, Данилка так и не понял. В его сердце просну-

лось казавшееся навсегда ушедшим чувство первой любви. Детское, светлое и яркое, как ее алые губы.

Данилка разузнал адрес мадам Дункан и прислал ей на Пречистенку букет ландышей. Он вложил в цветы записку со словами: «I give you my heart. Daniil»².

Ее помогла написать одна знакомая, старая гувернантка. После столь решительного поступка мадам, по его мнению, должна была обратить на него внимание, но никакого ответа не последовало. Данилка был упорным, он приволок очередной букет. Юноша не думал, что мировая звезда привыкла купаться в цветах и признаниях и воспринимает их как должное. Его действия не возымели успеха – его по-прежнему не замечали. «Хоть бы взашей прогнала, что ли, а то словно и не существую я вовсе», – злился Данилка.

Москву будоражила новость, все обсуждали роман Айседоры Дункан и Сергея Есенина.

«А как же я?» – недоумевал Данилка. Соперничать с поэтом не представлялось возможным, и ему больше ничего не оставалось, как тихо страдать. В своей юной жизни Данилка столкнулся с очередным вероломным предательством. Сначала его предала мать, а теперь и возлюбленная. Верить женщинам нельзя.

* * *

Молодой, стройный, голубоглазый, с пышной копной золотых кудрей, Есенин был похож на ангела. Айседора так и сказала ему при первой встрече: «Ангел!» «И чорт», – добавила, глядя в его озорные глаза. Именно так, твердо через «о», произносила она это слово, с сильным акцентом, придающим своеобразный шарм. Их роман вспыхнул мгновенно от искры, которая возникла при первом взгляде друг на друга.

Любовь накрыла их волной и закружила в сумасшедшем танце. Поэт для Дункан был очередной страстью, не менее сильной, чем предыдущие. Она влюблялась быстро, не раздумывая, подходит ли ей объект или нет, и никогда не сомневалась, достойна ли любви, станет ли ее чувство взаимным или будет отвергнуто. От этой женщины исходила колдовская сила уверенности в себе и обаяния, против которой устоять не мог никто. Любовь давала ей силы.

На ее печальном лице заиграла улыбка, и сама она расцвела. Поэт был сражен наповал невероятным обаянием знаменитой американки. Не в силах словами выразить свои чувства, он сплясал перед ней какой-то дикий шаманский танец. Она все поняла. Айседора «подошла и прищуренным глазом хулигана свела с ума», и Есенин уже на второй день переехал к ней на Пречистенку, где они стали жить вместе. Они пропадали на несколько дней, скрывшись от всех, наслаждаясь друг другом. Потом появлялись и вместе ходили на светские приемы, где среди богемы Есенин читал стихи, а Айседора танцевала. Пребывая в любовной эйфории, поэт написал несколько стихотворений. К своей возлюбленной поэт испытывал сильные и смешанные чувства – от слепой любви до презрения и ненависти. То был трогательно нежен и целовал ей ноги, то грубил и швырял в нее сапоги. Есенин уходил в ночь и напивался. Затем возвращался и рыдал на коленях. Айседора все прощала.

– Здесь мы будем жениться, – тыкал пальцем Есенин в сторону храма, когда они катались на извозчике по ночной Москве. И они действительно поженились. Это был ее первый и единственный брак. Раньше Айседора никому не позволяла взять себя в жены.

Разговаривал Есенин с Дункан жестами, прикосновениями колен и локтей. Они понимали друг друга. Айседора тонко чувствовала все оттенки настроения людей, не только мимолетные, но все или почти все, что таилось в душе. Это хорошо знал Есенин, он не раз во время общего разговора хитро подмигивал собеседнику и шептал, указывая глазами на Айседору:

– Она все понимает, все, ее не проведешь.

² Я дарю вам свое сердце. Даниил.

Вся Москва обсуждала эту странную пару.

– Знаменитый красавец поэт мог найти и помоложе, – вздыхали барышни, тайно влюбленные в Есенина.

– Что в ней особенного? Не юная, не стройная, кожа не гладкая. Из-за чего такой ажиотаж? – недоумевали замужние дамы и старые девы. Они искренне считали, что женщина за сорок никому не интересна. Двадцать пять лет – вот крайний срок, чтобы выйти замуж, и то уже считается старухой. И тут свадьба с молодым поэтом. Невероятно, чудовищно, непостижимо!

– Шестнадцать лет разницы – это слишком! Так не бывает! – сплетничали кумушки и сходились во мнении, что Дункан знает рецепт приворотного зелья.

– Секрет ее популярности у мужчин – слава. Мужики думают шаблонно: раз она знаменитость, значит – красавица, каких свет не знал, – решали дамы. Но они ошибались.

Слава привлекает, но к Айседоре влекло другое. Есенин сам был знаменит, слава Дункан ему, скорее, мешала. Увлеченность – вот что делает личность харизматичной и притягательной для окружающих. Кроме любви у Дункан была другая, более сильная страсть – танец. Любовь – вторая. И это умение увлекаться не только любовью предавало ей вневозрастное очарование. Эта женщина никогда не нуждалась во второй половинке. Она сама была целым. Ей всегда хватало самой себя для счастья.

Вся Москва обсуждала странную пару. Не только недалекие женщины, но и степенные мужчины, коих не заподозришь в способности изливать желчь, отзывались о Дункан не всегда лестно. Божественная Айседора! За что так мстило время этой гениальной и нелепой женщине? – в этом, казалось бы, комплименте явственно сквозила мысль, что ее время, увы, ушло.

Буквально все окружение танцовщицы считало своим долгом подчеркнуть ее возраст.

«Пожилая, отяжелевшая, с красным, некрасивым лицом, окутанная платьем кирпичного цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая к груди букет измятых, увядших цветов, а на толстом лице ее застыла ничего не говорящая улыбка. Эта знаменитая женщина, прославленная тысячами эстетов Европы, тонких ценителей пластики, рядом с маленьким, как подросток, изумительным рязанским поэтом являлась совершеннейшим олицетворением всего, что ему было не нужно. Непонятно, как может она почувствовать смысл высоких стихов поэта». Подобные отзывы слышались отовсюду. Дункан не знала русского языка, и «доброжелателям» было очень удобно в ее присутствии обсуждать ее же.

Мужчины ею восхищались и втайне ненавидели. Восхищались талантом, остроумием, сумасбродством, способностью жить на всю катушку. Они готовы были простить ей все, что угодно, кроме звуков фанфар. Быть успешнее, чем он, – вот чего не мог простить ни один мужчина. Есенина угнетала слава его жены. За границей, куда они отправились вскоре после свадьбы, он оказался мужем Айседоры, а не знаменитым поэтом, которым привык быть на родине. Это было невыносимо и ускорило разрыв их уже хрупких отношений.

В самом начале Айседора знала, что их союз с Сергеем будет недолгим. Но она отдалась чувствам и после говорила, что три года, когда они были вместе, оказались счастливейшими в ее жизни.

За месяц до убийства

Настя начинала медленно закипать. Наглый лохматый пес даже ухом не повел, продолжая в упоении жевать налоговый справочник.

– Чтоб ты подавился, обормот!

После третьей попытки ей все же удалось отобрать у псины книгу, которую ей выдали на работе под расписку.

– Вот зараза! Самые нужные страницы сожрал! – Настя чуть не зарыдала: бумага была разорвана в клочья и не подлежала восстановлению.

Кое-как выдворив Барбоса в прихожую, Настя закрылась на кухне. Она смолочила зерна в кофемолке и достала из закровов пирожные – может, поднимут упавшее настроение. Она прибрала на столе, достала свою любимую миниатюрную кофейную чашку с супрематическим рисунком Малевича и положила на хрупкое блюдечко салфетку (в лучших традициях). Сахарница, вазочка с янтарно-желтым абрикосовым вареньем и любимые пирожные «Тирамису». Настя сварила кофе с ароматом карамели и уселась за стол, но насладиться вкусом ей не удалось: из-за двери послышалось недовольное тявканье и рычание, затем раздался скрежет когтей по дверному каркасу. Настиному терпению пришел конец. Недели не прошло, как установили новые двери: лакированное вишневое дерево, украшенное мозаикой из цветных стекол. Она за эту мозаику отдала ползарплаты, уж очень понравилась. Хотя могла бы не шиковать и взять в два раза дешевле – они тоже смотрелись здорово, но Настя решила раз потратиться и окружить себя красотой на долгое время. Приближался ее день рождения, и отец намекнул, что в качестве подарка оформит документы на квартиру. Вдохновленная приятной новостью, Настя принялась обустраивать гнездышко, которое наконец-то станет ее собственным. Кто же знал, что в доме появится стихийное бедствие в виде огромного грязного чудовища?! Сама бы Настя никогда не додумалась притащить с улицы взрослую собаку. Накормить накормила бы, но брать с собой – увольте! Ухаживать за животным нет ни возможности, ни желания. Но у нее есть безалаберная сестра. Кристина на какой-то помойке подобрала бездомного пса и подбросила ей, Настасье. Сама же, вдоволь наумилившись и потрепав на прощание сбившуюся в колтуны собачью шерсть, упорхнула «по делам». На справедливое возмущение сестры Кристина укоризненно заметила: «Какая ты нетерпимая! Всего на денек. Завтра я передам песика в хорошие руки». Кристинино «завтра» затянулось, она и думать забыла о питомце, и Насте, как всегда, пришлось самой искать выход из ситуации.

Она обзвонила приюты в надежде пристроить Барбоса, но там либо никто не брал трубку, либо вежливо отказывали – мест нигде нет. Предлагать знакомым Настя и не пыталась, это только Кристинка наивно полагает, что все спят и видят в своих квартирах ее охламона. Если еще утром у Насти были какие-то мысли, куда девать зверя, то сейчас она разозлилась и решила поручить это дело тому, кому и следовало – своей беспечной сестрице. Она без всякого удовольствия допила кофе и набрала номер Кристины, но предъявить претензии ей не удалось.

– У меня несчастье, – слезно пожаловалась Кристина, услышав голос сестры.

– Что на этот раз? – сурово поинтересовалась Настя.

– Деньги нужны.

– Зачем?

– На курсы. Они начинаются с понедельника, а нужной суммы не набирается.

Отсутствию денег Настасья не удивлялась, у сестры их не было никогда. Она иногда подбрасывала что-нибудь Кристине, когда у той совсем ничего не оставалось – не чужая все-таки.

Кристина была из тех людей, которые любят создавать проблемы как себе, так и окружающим. Причем последним их всегда достается в изрядном количестве, поскольку они предпочитают перекладывать свои тяготы на чужие плечи. Настя была не намного старше Кристины, но

несравнимо мудрее и самостоятельнее. Сестрами они считались условно. Их связывало дальнее родство и то обстоятельство, что они выросли вместе, живя по соседству. Настасья родных ни брата, ни сестры не имела, поэтому считала таковой Кристину. Кристина недостатков в близких не испытывала, но породниться с Настей ей было удобно: никогда ничего не просит, наоборот, всегда помогает.

* * *

Блеск хрустальных люстр, свечи и портьеры – роскошь, о которой она мечтала. Это был уголок ее настоящей жизни, той, которой она, несомненно, достойна. Лишь несколько часов в неделю она могла здесь бывать. Пока несколько часов. Кристина верила, что когда-нибудь, наверное, очень скоро, каждый час, каждая минута ее жизни станут протекать именно в такой обстановке, даже в лучшей. Все будет, как в кино про клан миллионеров. А пока кино не наступило, она пыталась уже сейчас хоть совсем понемногу привыкать к своей будущей жизни. Приходила в этот ресторан, садилась за позолоченный столик и проваливалась в сладкие грезы. Стоило только перешагнуть порог «Европы», она окуналась в атмосферу роскоши и сразу начинала чувствовать себя королевой. Голова приподнималась, плечи расправлялись, жесты становились плавными и неторопливыми, и уже не Золушка, а принцесса грациозно ступала по мягким паласам. А чего стоил взгляд! Серые томные глаза, слегка прикрытые веером ресниц, теперь смотрели на мир с превосходством. Еще бы! Кристина так вживалась в свою роль, что не могла отделить мечту от реальности. Платье, купленное на распродаже, собственноручно украшенное стразами, сидело на ней словно наряд от кутюрье, простая заколка в посеченных тусклых волосах выглядела ни больше, ни меньше – диадемой, инкрустированной драгоценными камнями.

Раздались звуки музыки. Кристина хорошо знала эту мелодию. Не только потому, что она часто здесь бывала, а еще благодаря оконченной в детстве музыкальной школе. Сейчас Кристина музицировала редко, лишь когда появлялось особое настроение.

Бесшумно подошел официант: элегантный и безукоризненно вежливый.

– Чай и шоколадное мороженое, – произнесла Кристина.

Она часто делала такой заказ. Это было ритуальное действие: гармонизация в себе мужских и женских энергий. Мороженое символизировало инь, чай – ян. Ела она все это очень прочувствованно, с каждым глотком ощущала, как эти действия соединяют, сонастраивают и усиливают потоки обеих энергий внутри нее.

Кристина взглянула на часы: пора возвращаться домой. Она взяла в гардеробе бледно-песочный плащ и стала не спеша одеваться перед огромным зеркалом. Подкрасив губы морковной помадой, мысленно произнесла аффирмацию: «Я прекрасна, просто великолепна, само совершенство». Из зеркала на нее смотрела молодая женщина, худощавая, с усталой неровной кожей на когда-то симпатичном лице. «Я притягиваю к себе доброе и светлое, я открыта для чудес», – твердила она.

Швейцар в белых перчатках, статный как образцовый офицер, ловко открыл перед ней входную дверь. Небольшая площадка перед рестораном: клумбы, резные фонари и гладкий асфальт – еще несколько мгновений в мире богатства. Затем грязный проспект, дождь и вагон метро.

– Где ты ходишь? Мне ехать давно пора, – услышала она недовольный голос матери, едва переступив порог.

Маргарита Степановна стояла в прихожей. Она была при полном параде: накрашенная и в выходном платье. Рядом крутился мальчик. Он то и дело дергал бабушку за руку, одновременно требуя принести ему пить, поиграть, включить мультик и еще много всего, что только может прийти в голову трехлетнему малышу.

– Зайчик мой! Соскучился! – принялась обнимать сына Кристина.

– Нет! – мальчишка капризно вырвался. – Баба, хочу с тобой! – уцепился он за руку бабушки.

– Он скоро забудет, как ты выглядишь, – заворчала Маргарита Степановна, отцепляя ребенка от себя и возвращая Кристине. – Нормальные матери сами с детьми занимаются, а не родителям подкидывают.

Кристина не стала возражать: она хотела сохранить внутреннюю гармонию, которая, несомненно, нарушилась бы, вступи она в спор. Тем более что отвечать не требовалось – Маргарита Степановна прекрасно обходилась монологом. Молодая женщина мысленно вышла «на высший уровень» и стала про себя проговаривать аффирмации:

«Я смотрю на мир широко открытыми глазами, принимаю только радостное и светлое. Я притягиваю положительные энергии».

– Работать давно пошла бы, – продолжала мать, – а то живешь на мою пенсию.

«Я принимаю богатство. Оно само ложится к моим ногам, без всяких усилий. Вселенная одаривает меня золотым дождем».

– Мужа прогнала. Чем он тебе не угодил? Хороший работающий парень, Юрочку любит.

«Я счастлива, я совершенно счастлива! Я сильная, настоящая Космическая женщина, и меня достоин лишь сильный мужчина».

– Где ты еще такого найдешь? Тебе уже двадцать девять лет! Еще год-полтора, и кому ты будешь нужна, да еще с ребенком?!

«Я достойна всего самого лучшего. Вселенная любит меня, она дает мне все, что я пожелаю».

– Да, уже иду. – Маргарите Степановне пришлось прерваться, чтобы ответить на телефонный звонок. Она с большим недовольством закончила чтение нотаций, обулась и вышла за дверь.

Маргарита Степановна собиралась провести в гостях два дня. Это обстоятельство Кристину очень радовало: какое наслаждение – не слышать маминых упреков. С другой стороны, огорчал тот факт, что некому будет присмотреть за Юрочкой.

С детства Кристина не ладила с матерью. Властная и строгая Маргарита Степановна постоянно поучала дочь, контролировала ее во всем. В доме часто происходили скандалы, которые обычно заканчивались демонстративными «сердечными приступами» зачинщицы. Кристина все переносила молча, и лишь внутри ее бушевала буря возмущения, которая позже выливалась в обиду, слезы и отчаяние.

Однажды, выходя из булочной, она столкнулась с Оксаной. Кристина так бы и прошла мимо – никак не ожидала встретиться с давней подругой своей сестры, – но та ее окликнула. Оксана все поняла сразу, каким-то фантастическим чутьем, доставшимся от матери. Тамара Васильевна безошибочно находила жертву в мужском обличье, с которой можно что-нибудь стясти. Так же и Оксана определила своих потенциальных клиентов. Кристина сама не заметила, как выложила ей все свои печали и тревоги. Оксана не перебивала, внимательно слушала, одобрительно кивая. От этой душевности Кристина растаяла: разве Настя или кто другой поступил бы так? Никогда! С Настей у них разговор всегда был коротким: Кристина ей звонила в надежде снискать сочувствие, вечно занятая сестра прерывала поток жалоб и начинала искать решение проблемы. А может, ей, Кристине, вовсе не нужно ничего менять, может, ей и с проблемой неплохо живется? Но поплакаться-то в жилетку можно?

– Приходи ко мне на семинар, – предложила Оксана, – не сомневаюсь, что занятия пойдут тебе на пользу. – При этом она так мило улыбалась, что вызывала еще большую симпатию. – Кстати, отлично выглядишь! Потрясающий свитер, он тебе очень идет.

– Спасибо, он уже не новый, – засмущалась Кристина. Свитерок действительно был старым, по нему давно тосковала помойка. Кристина собиралась его выбросить, но все никак не

решалась, а после комплимента Оксаны задумалась: может, оставить? Комплимент пришелся по душе, и Оксана это знала.

У Кристины понятие «семинар» ассоциировалось с учебой, а учиться ей совершенно не хотелось, поэтому пришла она не сразу.

Первая лекция называлась «Совершенная судьба». На ней рассказывалось, как в корне изменить свою жизнь в лучшую сторону. Оксана говорила простым доступным языком. Ее слова заряжали оптимизмом, и после занятия хотелось жить даже потенциальному самоубийце. Последующие лекции: «Таинственные силы внутри нас», «Поверь в себя», «Создай свою мечту» были не менее увлекательны. Кристина нашла в них для себя много полезного.

«Вы прекрасны именно такими, какие вы есть. Никто не вправе наносить вам оскорбления, морально травмировать вас. Вы должны окружить себя лишь людьми, благосклонными к вам. Помните, вы – само совершенство», – усвоила Кристина необходимую аксиому.

Появились первые положительные изменения. Кристина стала спокойней, у нее все реже случались внезапные перемены настроения, даже однажды сделала матери замечание, когда та, войдя в раж, перешла на крик. Маргарита Степановна опешила от такой неслыханной наглости, но кричать перестала. Она, конечно, не бросила манеру ругать дочь, но делала это теперь без повышенного тона. Кристина стала увереннее в себе. И в этом тоже заслуга семинаров.

«Постарайтесь в жизни моделировать поведение симпатичных вам людей. Поначалу попробуйте подражать всему: манере держаться, одеваться, вести себя, говорить, посещать те же магазины, их любимые места, понять их увлечения, ценности. Вашей целью должно стать понимание того, как они мыслят. Это не значит, что вы полностью подстроитесь под них и забудете себя. Вовсе нет! Просто вы проникнете в самую суть их мировоззрения, их способа восприятия мира. И здесь – сюрприз. Вы поймете, как им удастся быть такими уверенными, почему они ведут себя именно так, а не иначе в одинаковых с вами условиях. Что они думают о себе? Как ведут себя в случаях успеха и неудачи? Наблюдайте, ведите дневник».

Кристина никогда не была склонна к подражательству, она считала себя девушкой оригинальной и никогда не думала копировать чей-либо образ. Она даже поначалу не захотела придумывать себе псевдоним, как другие слушатели, но когда, наконец, соблазнилась поменять свое имя на более яркое и звучное, то оказалось, что все нравящиеся ей псевдонимы уже заняты. «Не переживай, я тебе помогу. Вселенная сама шепнет подходящее имя», – любезно отозвалась Оксана, чем окончательно покорила Кристину.

Кумиры у Кресты, конечно, были. Вернее, не кумиры – им поклоняются, а люди, чья жизнь вызывала у нее восхищение. Анжелина Джоли, например. Молода, красива, популярна, купается в славе и богатстве. Кристина решила по рекомендации наставницы взять на вооружение образ жизни заокеанской дивы и вести себя так, будто бы уже достигла всего того, что и она.

Как здорово бывать в дорогих бутиках и галереях! Там совершенно иная обстановка. А ресторан! Она сразу влюбилась в атмосферу красивой жизни. Денег, правда, едва хватало – мать давала только на продукты, а муж все чаще оказывал помощь натуральным, так сказать, продуктом – вещами или едой. Но разве можно отказать себе любимой в необходимом удовольствии? Ведь подобное привлекает подобное – это основное правило совершенной судьбы. Если жить, сковывая себя рамками экономии, то деньги никогда не появятся. Войдет в привычку покупать дешевые вещи, ограничивая себя во всем. Вселенная просто не догадается о потребности в роскоши. Тратить на себя много – это совершенно естественно. Когда люди недостаточно ценят себя, они задвигают свои потребности на второй план. Всегда находится что-нибудь поважнее, если это не жизненно необходимо. А ведь если потребности возрастают, то у Вселенной всегда найдется способ соответственно увеличить доходы. У любящих себя людей всегда есть средства, ведь то, что для других баловство, они рассматривают, как жизненно важные ресурсы, а Вселенная стремится удовлетворить запрос.

Кристина нигде никогда не работала вовсе не потому, что была лентяйкой. Напротив, если она чем-то увлекалась, то выкладывалась полностью. Она одно время неплохо рисовала и могла сутками трудиться над картинами, с удовольствием разводила цветы, красиво раскрашивала керамические горшки, а созданные ею фотографии можно было вывешивать на выставках. К сожалению, увлечений оказалось слишком много, чтобы остановиться на чем-то одном и заняться делом профессионально.

И вот однажды Кристина поняла, в чем ее призвание. Она психолог. Оксана легко решала чужие проблемы, помогала людям разложить все по полочкам. Кристе тоже захотелось непременно стать психологом. Раньше она думала, что для этого нужно получить специальное образование. Она как-то спросила Оксану, что та заканчивала. Ответ последовал не сразу – на лице Оксаны отразилось замешательство.

– Факультет психологии университета, – без зазрения совести соврала наставница. – Впрочем, не так важен диплом, как бесценный личный опыт. Я сама разработала обучающие программы, написала гору статей. Вот, возьми, – Оксана протянула журнал «Апокалипсис» с первой и единственной своей статьей.

Вообще-то планы Кристины простирались куда дальше. Она мечтала не просто стать практикующим психологом и принимать клиентов у себя дома. Кристина воображала себя хозяйкой целого научного городка. А чего мелочиться? Оксана сама учила на своих лекциях не ограничивать себя в желаниях и загадывать по максимуму. Но это, к сожалению, воплотится не сразу. Нужно еще немного подучиться, пройти практику, получить сертификат. О средствах она пока не задумывалась. Чего заранее беспокоиться, да и стоит ли? Когда имеешь позитивный настрой, все складывается само собой, главное, создать внутри себя счастливое, радостное настроение.

* * *

Когда дверь квартиры распахнулась, Миша замер на месте и на несколько секунд онемел. Потом он никак не мог понять, что на него вдруг нашло? Перед ним стояла Настя Рябинина, к которой он и шел. Обычная молодая женщина, одетая в самые обычные домашние брюки и ковбойку. Волосы собраны в хвост, на носу в тонкой оправе очки, под очками – внимательный взгляд дымчатых глаз.

– Проходите, – предложила Настя, глядя в удостоверение оперативника.

Миша вошел. На него тут же тявкнули и зарычали.

– Тихо, Барбос! – скомандовала хозяйка, и рычание сменилось скулежом. – Тихо, я сказала! – повторила она, стукнув по косяку запертой кухонной двери.

– Славный, должно быть, у вас песик, – светски заметил Костров.

– Не мой, но держать приходится. Пойдемте в комнату.

В небольшой, но просторной из-за немногочисленной мебели комнате Миша уселся в кресло, и пока Настя готовила кофе, стал изучать интерьер. Он понимал, что кофе предложили ему из вежливости и вроде бы стоило отказаться из той же вежливости, но делать этого он не стал. Костров вообще никогда не отказывался от угощений. Раз предлагают – надо брать, тем более из нежных женских рук.

Комнату наполнил карамельно-кофейный аромат. Кострову подали малюсенькую, словно игрушечную чашку с такой же игрушечной ложкой и блюдец с конфетами. Себе Настя кофе наливать не стала. Тут на один глоток, – подумал Костров, но ошибся – хватило на три, а если бы он пил, как полагается, не спеша, то растянул бы удовольствие на все пять. Кофе оказался очень вкусным, конфеты тоже – он такие любил – чернослив в шоколаде, да и хозяйка ничего. Миша поймал себя на том, что усталился на ее ноги.

– Так вы говорите, что в последний раз виделись с Оксаной Прохоренко... – Михаил запоздало отвел взгляд.

– Точно сказать не могу, недели три-четыре назад, наверное.

– И как были дела у Оксаны? Может быть, ее тревожило что-нибудь или кто-нибудь угрожал?

– Не знаю, она ничего не рассказывала. Да мы и встретились ненадолго, можно сказать, мимоходом. Вроде ничего у Оксаны не произошло, выглядела как обычно.

– У вашей подруги был странный род занятий: семинары какие-то магические. То ли гадала, то ли лекции читала. Я так и не понял, кем она работала?

– Богиней. Что вы удивляетесь? Есть такая профессия – дурью маяться и мозги людям пудрить, у кого их не особо много. Когда мамки-няньки есть, отчего бы не побездельничать? Ее тетки с детства баловали, раньше игрушками – конфетами задаривали, а когда игрушки потеряли актуальность, стали дарить деньги. Так Оксана и жила – на чужой шее висела. Проснется ближе к полудню, позавтракает, примет душ, послоняется по квартире из угла в угол, думая, чем бы заняться. Потом идет бродить по магазинам и к вечеру, если найдет компанию, отправляется в гости или клуб. Беззаботная безработная, даже домохозяйкой считаться не могла. Просто девушка Оксана, по сути – никто. Но быть никем не модно, вот Оксана и решила обрести какой-нибудь весомый статус. Ее работа должна была быть непременно престижной, такой, чтобы блистать и ничего не делать.

Она прекрасно понимала, что без опыта и образования ничего не найдет. Поэтому решила организовать свое дело – необременительное и не требующее особых капиталовложений. Оксана провозгласила себя богиней-прорицательницей. Она самозабвенно расхваливала себя в Интернете. Сначала клиентов не было совсем, но она не сдавалась, и в конце концов дело сдвинулось – появились первые сумасшедшие. Наивные, легко внушаемые депрессивные лодыри, которым удобнее заплатить за «чудо», чем самим что-то сделать. Вы видели среди ее клиентов хоть одного работающего человека? Не сомневаюсь, что вся эта публика состоит из домохозяек и великовозрастных оболтусов, находящихся на содержании у сердобольной родни. Таким не жалко расставаться с чужими деньгами, и Оксана это хорошо знала. Она брала их в оборот и не отпускала из своих цепких рук. Она и меня пыталась заманить на свои псевдокурсы. Скидку пообещала. С тебя, говорит, по знакомству всего двести евро. Я ей в лицо рассмеялась и сказала, что и даром бы не пошла, потому что время жаль тратить на всякую ерунду. Оксана обиделась, сказала, что я ничего не смыслю в высоких материях.

Видела я ее сайт в Интернете. Скромностью Оксана не страдала, судя по тому, что писала там. И психолог, и хиромант, и астролог в шестом поколении... Астрономию с физикой она в школе ненавидела, не могла толком объяснить природу лунного затмения. Образование у нее сами знаете – средняя школа и, как написано на сайте, эфемерная «академия магии». На этом основании Оксана провозгласила себя специалистом по общению со Вселенной. Ладно бы, если бы это было безобидным развлечением. У нее был вывешен список оказываемых услуг: приворот, отворот, порча, возврат любимых... разве что воскрешения из мертвых не обещала. Все это Оксана бралась делать заочно по Интернету. Причем совершенно бесплатно. Вот такой вот альтруизм.

Я обратилась к ней анонимно, мол, хочу вернуть мужа, который ушел к другой. Как требовалось, выслала фото «мужа», и получила ответ, что через неделю благоверный вернется, гарантия сто процентов, только нужно перечислить на ее счет тысячу рублей за рассмотрение ситуации. Я потом сказала Оксане, что непорядочно людей обирать, ведь для кого-то ворожба – последняя надежда. В критической ситуации, когда с близкими случается беда, даже вполне разумный человек поверит во что угодно и отдаст все свои сбережения. Надежда – она ведь дорогого стоит. Оксана и слушать не стала, сказала, чтобы я не лезла к ней со своей порядочностью. Это еще одна причина, по которой мы не общались.

Оксана играла в звезду. То есть позиционировалась как известная личность. Я не понимала, верила ли она сама в свою звездность или нет. Но, судя по записям в ее дневнике, патология налицо.

– Прохоренко вела дневник?

– Да, сетевой журнал. Общедоступный, между прочим. Я в чужих личных записях не копаюсь, но этот для того и велся, чтобы его читали все.

Чем дольше Костров слушал Настю, тем больше ей симпатизировал. Ему и самому неприятны мошенники, которые всевозможными способами выманивают у людей деньги. Самый важный вопрос Миша решил оставить напоследок, и вот теперь настала пора его задать.

– Скажите, Настя, вы что-нибудь знаете про перстень с сапфирами, который был у Оксаны?

– Перстень? – она удивленно посмотрела на оперативника своими пронзительными глазами.

– Вот этот, – достал он фото Оксаны, где она была в образе неземной женщины со свечами и с перстнем.

– самого перстня я не видела, только на фотографиях. На ее сайте много таких.

– Те люди, которые посещали ее курсы, утверждают, что видели его на пальце Оксаны. Она специально его надевала, поскольку, по ее словам, он наделен магической силой. Это фамильная драгоценность королевской семьи, к которой принадлежала и Оксана, поэтому и получила ее в наследство. Она вам что-нибудь рассказывала о своем благородном происхождении и о наследстве?

– О наследстве не рассказывала. А происхождение у нее самое обычное. Мамаша ее – хабалка деревенская, которую королевой никак не назовешь. Отец был вроде интеллигентным, тот, наверное, мог бы иметь дворянские корни. Но я его никогда не видела, потому как он умер давно. Отчима я знала, но мы с ним не общались, поэтому про него ничего сказать не могу. Вообще же Оксана была мастерицей выдумывать всякие истории, чтобы пустить пыль в глаза.

Мише не хотелось покидать просто обставленный, но такой приятный дом Насти. При всей суровости было в этой девушке нечто располагающее, тонкое, неуловимое, что делает общение желанным. Она рассказала все, что могла, поэтому причин для новых встреч не было. И это Михаила огорчало. Он записал сетевой адрес дневника Оксаны, надеясь не только почерпнуть из него информацию о потерпевшей, но и найти повод для дальнейшего общения с Анастасией.

Вернувшись на базу, как называли оперативники родное РУВД, Костров засел за компьютер, чтобы взглянуть на страницы дневника Прохоренко. Первое, что он увидел, было обилие фотографий хозяйки. Судя по всему, фотографии среди свечей, которые он уже видел на ее «магическом» сайте, были самыми удачными – они красовались на первой странице. Другие смотрелись проще, но тоже эффектно.

Костров не представлял, что можно писать в открытых всем пользователям Интернета дневниках. Он перешел к записям и сразу получил ответ на свой вопрос.

Для чего мой дневник? Для общения с друзьями, симпатичными мне людьми. Чтобы делиться своими мыслями, высказывать свое мнение о событиях. С целью пиара я участвую только в звездных проектах.

Вот оно как. И в проектах она участвует, да не в абы каких, а звездных, – хмыкнул про себя Миша.

Люблю своих знаменитых друзей.

Лешечка Князев, Натусик Светлова, Кирочка Морозова.

Они не болтают, а делают.

Миша перечитал запись дважды и ничего не понял. Актер Князев, продюсер Светлова и режиссер Морозова часто мелькали на телеэкране и были весьма успешными людьми.

Неужели они знакомы с Оксаной? Судя по записи, не только знакомы, но и входили в ближайший круг общения. А ведь никто из них не проявил интереса к ней, когда она погибла. Хороши друзья, ничего не скажешь.

В следующей записи Прохоренко обращалась к читателям:

Хотите поучаствовать в жизни своей звезды?

Тогда быстренько голосуйте, чем мне занять себя вечером:

- погулять по городу, пофотографироваться;*
- поболтать с друзьями в кафе;*
- встретиться с поклонником;*
- посетить модную вечеринку с известными людьми.*

И снова Оксане требовался совет:

Знающие люди, расскажите, как отбиваться от фотографов на мероприятиях? Мне нравятся только двое, от силы трое, у них снимаюсь всегда и с удовольствием, остальные делают меня катастрофическим уродом, но стоит только встать у банера, как их тут же куча набегает, а я потом расстраиваюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.